

The background of the cover is a dark brown, textured surface. At the top and bottom, there are stylized illustrations of suns with concentric orange and yellow rings, surrounded by a jagged, zigzag border of orange triangles. Green foliage, resembling palm leaves, is positioned on the left and right sides, framing the central text.

ЧИМАМАНДА НГОЗИ АДІЧІ

ПОЛОВИНА ЖЕЛТОГО СОЛНЦА

Премия ORANGE
Номинация на премию «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Чимаманда Адичи

Половина желтого солнца

«Фантом Пресс»

2006

УДК 821.111
ББК 84(6Ние)

Адичи Ч. Н.

Половина желтого солнца / Ч. Н. Адичи — «Фантом
Пресс», 2006

ISBN 978-5-86471-773-8

Красавица Оланна из богатой семьи никогда не отличалась дерзостью, как ее сестра-двойняшка Кайнене, но именно Оланна решилась оставить полную комфорта жизнь ради любви. Переезжая в маленький городок, где жил и работал ее будущий муж, профессор местного университета, она вряд ли понимала, что бесповоротно меняет свою судьбу. Деревенский мальчик Угву, поступивший в услужение в профессорский дом, тоже не догадывался, что отныне его жизнь изменится необратимо и непредсказуемо. Застенчивый молодой англичанин Ричард, приехавший в Нигерию, чтобы написать книгу, вовсе не собирался оставаться здесь навсегда. А непокорная и избалованная Кайнене вряд ли думала, что взвалит на свои хрупкие плечи ответственность за жизнь огромного числа людей. Но война, обрушившаяся на страну, не только корежила судьбы людей, но и меняла их самих, вытаскивая наружу то, что в обычной жизни скрывается за лоском цивилизованности. Оланне, Угву, Ричарду и всем остальным героям романа предстоит пройти сквозь немыслимые ужасы войны, не раз лицом к лицу столкнуться со смертью и вновь обрести себя после страшных испытаний. Полный напряженного драматизма роман «Половина желтого солнца» рассказывает истории нескольких людей, – истории, которые сплелись самым поразительным образом. Читатели называли роман Адичи «африканским “Бегущим за ветром”», а британские критики присудили ему престижнейшую премию «Оранж».

УДК 821.111

ББК 84(6Ние)

ISBN 978-5-86471-773-8

© Адичи Ч. Н., 2006

© Фантом Пресс, 2006

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	23
3	40
4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

CHIMAMANDA NGOZI ADICHIE

HALF OF A YELLOW SUN

Чимаманда Нгози Адичи Половина желтого солнца

*Нвойе Дэвид Адичи
и Аро-Нвеке Феликс Одигве,
не дожили до конца войны.
Мои бабушки,
Нвабуоду Регина Одигве
и Нвамгбафор Агнес Адичи,
замечательные женщины,
обе пережили войну.
Посвящаю эту книгу их памяти:
ka fa podu na ndokwa¹.
И Меллитусу, где бы он ни был.*

*Я помню как сейчас —
Иссохший, тонкий, под солнцем
и в пыли в сухой сезон —
Как памятник отваге, воле к жизни.*

Чинуа Ачебе. Росток манго (из сборника «Рождество в Биафре»)

HALF OF A YELLOW SUN by Chimamanda Ngozi Adichie
Copyright © 2006 by Chimamanda Ngozi Adichie

Оба моих деда, которых я не знала,

Издание осуществлено при содействии *The Wylie Agency*
Перевод Марины Извековой

© Марина Извекова, перевод, 2011

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2011, 2017

Часть первая

Начало шестидесятых

1

– Хозяин-то слегка того, всю жисть за границей, над книгами горбатился, а когда сидит у себя в кабинете, так сам с собой толкует, и на «здрасьте» не всегда ответит, а уж волосат-то как...

Угву шел рядом с тетушкой, слушая ее негромкий голос.

– Но человек он добрый, – добавила тетушка. – Будешь работать на совесть – и кормить тебя будут хорошо. Мясо каждый день будешь кушать. – Остановившись, она причмокнула и сплюнула в траву.

Угву не верил, что кто-то, пусть даже хозяин, у которого он теперь станет жить, кушает мясо *каждый день*. Но спорить не стал, слишком уж его переполняло радостное предвкушение и слишком занят он был мечтами о новой жизни вдали от родной деревни. Шли они с тетушкой давно, с тех пор как вылезли из грузовика на

стоянке, и полуденное солнце нещадно пекло затылки. Но Угву не унывал. Он готов был идти час за часом, а солнце пускай себе жарит. Никогда прежде он не видел таких улиц, как за воротами университетского городка, – асфальт такой гладкий, что тянуло прижаться к нему щекой. Не подберешь слов, чтобы описать все сестре Анулике. Ярко-голубые домики выстроились в шеренгу, ну точь-в-точь нарядные человечки, а живые изгороди меж ними подстрижены до того ровно, что похожи на столики из листьев.

Тетушка шагала чуть впереди, стучая шлепанцами, и шаги ее разносились эхом по тихой улице. Интересно, ей тоже раскаленный асфальт жжет ноги сквозь тонкие подошвы? Миновали табличку «Одим-стрит», и Угву губами произнес «стрит» – он читал вслух все коротенькие английские слова, что ему попадались. Когда подошли к воротам усадьбы, пахнуло чем-то сладким, пряным – наверное, цветущими у забора кустами, аккуратно подстриженными островерхими холмиками. Трава на лужайке блестела на солнце, вокруг порхали бабочки.

– Я сказала Хозяину, что ты у нас головастый, быстро всему учишься. *Osiso-osiso*², – предупредила тетушка.

Угву вежливо кивнул, хотя слышал эти слова уже не раз, вместе с историей, какая ему выпала удача: неделю назад тетушка подметала пол в коридоре математического факультета, услышала, что Хозяин ищет слугу, чтобы в доме прибирать, и тут же вызвалась помочь – ни машинистка, ни курьер и рта раскрыть не успели.

– Я буду стараться, тетушка, – пообещал Угву. Он засмотрелся на машину в гараже – ее синий корпус охватывала блестящая, как ожерелье, полоска металла.

– И смотри не забывай, когда тебя кличут, отвечать «Да, сэр!».

– Да, сэр! – повторил Угву.

Они стояли перед стеклянной дверью. Угву подмывало потрогать бетонную стену, так не похожую на стены маминой хижины-мазанки, хранившие отпечатки ладоней, строивших дом. На миг ему захотелось очутиться в хижине мамы, под тростниковой крышей, в прохладном сумраке. Или в домике тети, единственном в деревне крытом рифленым железом.

² Быстро-быстро (*игбо*).

Тетушка постучала в стеклянную дверь, затянутую изнутри белой занавеской. Чей-то голос произнес по-английски:

– Входите, открыто.

Угву и тетушка разулись у входа. Угву еще не видал такой огромной комнаты. Коричневые кресла полукругом, столики между ними, шкафы ломятся от книг, в центре большой стол, посередине стола ваза с красными и белыми искусственными цветами, – и все равно в комнате еще полным-полно свободного места. Хозяин, в майке и шортах, сидел в кресле. Сидел не прямо, а как-то боком. Спрятал лицо за книгой и будто вовсе забыл, что к нему пришли.

– Здравствуйте, сэр! Вот он, мальчик, – сказала тетушка.

Хозяин оторвался от книги. Кожа у него была очень темная, как кора старых деревьев, а грудь и ноги в черных волосах. Он снял очки.

– Мальчик?

– Слуга, сэр.

– Ах да, вы привели слугу. *I kpotago ya*³. – Язык игбо в устах Хозяина звучал мягко, напевно – так говорят на игбо те, кто часто говорит по-английски.

– Он прилежный, – заверила тетушка. – Хороший мальчик. Вы просто скажите ему, что делать надо. Спасибо, сэр!

Хозяин что-то промычал в ответ, глядя на Угву и тетушку рассеянно, будто они отвлекали его от важных мыслей. Тетушка потрепала Угву по плечу, шепнула, что все у него получится, и повернула к двери. Едва она вышла, Хозяин снова нацепил очки и уткнулся в книгу, вытянув ноги и все сильнее сползая набок. Даже когда переворачивал страницы, он не смотрел на своего нового слугу.

Угву ждал у двери. В окна лился солнечный свет, ветерок колыхал занавески. Тишину нарушал только шорох страниц. Постояв немного, Угву стал подбираться к книжной полке, будто желая спрятаться, и неслышно опустился на пол, зажав меж коленок плетеную сумку из волокон пальмы рафии. Посмотрел на потолок, такой высокий, белый-белый. Закрыв глаза и попытался, не глядя, представить эту просторную комнату с диковинной мебелью, но ничего не получилось. Открыл глаза, вновь охваченный изумлением, и повертел головой: не сон ли это? Подумать только, он будет сидеть в этих креслах, мыть этот гладкий, скользкий пол, стирать эти прозрачные занавески!

– *Kedu afa gi?* – спросил вдруг Хозяин, и Угву вздрогнул от неожиданности и встал. – Как тебя зовут? – повторил Хозяин и сел прямо.

Он едва умещался в кресле: мускулистые руки, широкие плечи, густая копна волос. Угву-то думал, что Хозяин старый и слабый, и теперь боялся не угодить этому могучему человеку, которому помощь вроде и не нужна.

– Угву, сэр.

– Угву. Ты из Обукпы?

– Из Опи, сэр.

– А лет тебе... что-то между двенадцатью и тринадцатью. – Хозяин прищурился. – Тринадцать, пожалуй, – добавил он по-английски.

– Да, сэр.

Хозяин вновь углубился в чтение. Угву стоял не шевелясь. Пролистав несколько страниц, Хозяин снова посмотрел на него:

– *Ngwa*⁴, ступай на кухню, возьми что-нибудь из холодильника, поешь.

– Да, сэр.

³ Вы его привели (игбо).

⁴ Ладно (игбо).

В кухню Угву вошел с опаской, шажок за шажком. Увидев белый ящик высотой почти с него самого, он сообразил: холодильник. Угву слышал про такое от тетушки. «Холодный сарай, – объясняла она, – еда в нем не портится». Угву открыл дверцу, и отдохнувшего холода у него перехватило дыхание. На полках пакеты и банки: апельсины, хлеб, пиво, лимонад, а на самом верху – лоснящаяся жиром жареная курица, почти целая, только одной ножки не хватало. Угву потрогал курицу. Холодильник тяжело дышал. Угву снова тронул курицу, облизал палец, отломил вторую ножку – и вскоре в руке осталась только дочиста обглоданная косточка. Потом оторвал большой ломоть хлеба – таким он с радостью поделился бы с братьями и сестрами, если б кто-нибудь из родных привез гостинiec. Ел он торопливо – а вдруг Хозяин передумает? Угву уже покончил с едой и стоял у раковины, вспоминая тетушкины объяснения, как открывать кран, чтобы вода хлынула как из родника, и тут вошел Хозяин, уже в цветастой рубашке и брюках. Сквозь дырочки в кожаных шлепанцах виднелись пальцы ног – ухоженные, почти женские; такие пальцы бывают у тех, кто всегда ходит в обуви.

– В чем дело? – спросил Хозяин.

– Сэр?.. – Угву смущенно покосился на раковину.

Хозяин шагнул вперед, повернул блестящий металлический кран.

– Пройдись по дому, а сумку поставь в первой комнате по коридору. Я иду на улицу, проветриться, *i nugo*?⁵

– Да, сэр.

Хозяин вышел через заднюю дверь, Угву посмотрел ему вслед. Оказывается, Хозяин не очень высокий; ходит он быстрым, упругим шагом и похож на Эзеагу, первого у них в деревне борца.

Угву закрыл кран, открыл, снова закрыл. Открывал, закрывал и смеялся от радости, дивясь чудо-водопроводу и нежной курятине с хлебом, согревавшей его изнутри. Угву прошел через гостиную в коридор. Всюду книги – на полках и столах в каждой из трех спален, на раковине и тумбочке в ванной, стопки высотой до потолка в кабинете, кипы старых журналов в кладовке, рядом с ящиками колы и коробками пива «Премьер». Некоторые лежали открытые, страницами вниз, – видно, Хозяин взялся читать и отвлекся на что-то другое. Угву пытался прочесть заглавия, хотя многие оказались слишком длинными и трудными. «Непараметрические методы». «Исследование Африки». «Великая цепь бытия». «Влияние норманнского завоевания на Англию». Угву блуждал по комнатам на цыпочках, чтобы не испачкать грязными ногами пол, и чем дальше, тем сильнее хотелось ему угодить Хозяину, остаться в этом доме с прохладными полами и холодильником, набитым всякой едой и даже мясом. Он разглядывал унитаз, поглаживая черное пластмассовое сиденье, когда услышал голос Хозяина:

– Где ты, друг мой? – Слова «друг мой» Хозяин произнес по-английски.

Угву кинулся в гостиную:

– Да, сэр!

– Так как тебя зовут?

– Угву, сэр.

– *Nee anya*, смотри, Угву. Знаешь, что это такое? – Хозяин указал на металлический ящик, утыканный подозрительными на вид кнопками.

– Нет, сэр.

– Радиола. Новая, отличная. Не надо крутить ручку, как на старых граммофонах. Ее нужно очень беречь, очень. И чтоб ни капли воды не попало.

– Да, сэр.

⁵ Слышишь? (*игбо*)

– Я иду на теннис, а потом в университетский клуб. – Хозяин взял со стола несколько книг. – Когда вернусь, не знаю. Так что располагайся, отдыхай.

– Да, сэр.

Проводив глазами машину Хозяина, Угву вернулся в дом и стал разглядывать радиолу, не смея коснуться.

Потом снова бродил по дому, трогая книги, занавески, мебель, посуду, а когда стемнело, включил свет и диву дался, до чего яркая лампочка светит под потолком, совсем не то что масляные лампы дома, которые отбрасывают на стены длинные тени. Мама сейчас, наверное, готовит ужин, толчет в ступке акпу⁶. Чиоке, младшая жена отца, варит жидкий суп в котле, стоящем на огне на трех булыжниках. Дети уже вернулись с речки и носятся наперегонки под хлебным деревом. А Анулика присматривает за ними. Она теперь самая старшая, ей улаживать ссоры младших из-за кусочков вяленой рыбы в супе. Она дожидется, пока доедят акпу, и поделит рыбу – каждому по кусочку, а самый большой возьмет себе, как делал до сих пор Угву.

Угву открыл холодильник и съел еще немножко хлеба и курицы; жевал быстро и снова набивал рот, а сердце колотилось, как от бега. Потом он оторвал несколько кусочков мяса и оба крылышка, засунул в карманы шорт и отправился в спальню. Надо их приберечь до тетушкиного приезда, пусть передаст Анулике. И Ннесиначи тоже. Уж тогда Ннесиначи наверняка обратит на него внимание. Угву не знал точно, кем приходится ему Ннесиначи, знал только, что они из одного рода, поэтому им нельзя жениться. И все равно ему было не по душе, когда мама называла Ннесиначи его сестрой: «Сходи отнеси пальмового масла матушке Ннесиначи, а если ее нет дома – отдай своей сестре».

Ннесиначи всегда говорила с ним рассеянно, блуждая взглядом по сторонам, будто ей дела нет до него. Иногда путала Угву с Чиеджиной, двоюродным его братом, хотя они совсем не похожи, а когда Угву поправлял ее, отвечала: «Прости, Угву, мой брат». Вежливо отвечала, но холодно, чтобы он к ней больше не приставал. И все равно Угву нравилось бегать к ней в дом со всякими поручениями. Он знал, что можно будет увидеть, как Ннесиначи, низко склонившись над очагом, раздувает огонь, или помогает матери резать листья тыквы угу для супа, или просто сидит возле дома и смотрит за малышами, и накидка чуть приоткрывает ее грудь. С тех пор как стали торчать эти острые груди, Угву было интересно, какие они на ощупь – мягкие или, наоборот, плотные, как незрелые плоды дерева убе⁷. Жаль, что Анулика такая плоская, – и непонятно почему, ведь они с Ннесиначи почти ровесницы, – а то он потрогал бы сначала ее грудь. Анулика, конечно, хлопнет его по руке, а то и по щеке, но он времени терять не станет: хватать – и убежит. Но будет знать хотя бы, чего ожидать, когда он прикоснется к груди Ннесиначи.

Если вообще когда-нибудь прикоснется. Ведь дядя Ннесиначи пригласил ее в Кано учиться ремеслу. Она уедет на Север к концу года, как только ее младший брат, которого она таскает на себе, встанет на ножки. Угву порадоваться бы за нее вместе со всей родней: как-никак на Севере можно разбогатеть, люди уезжают туда торговать, а воротясь домой, сносят хижины и строят дома с крышами из рифленого железа. Но наверняка Ннесиначи приглянется какому-нибудь толстопузому торговцу, тот явится к ее отцу с пальмовым вином, а Угву тогда останется только попрощаться с грудью Ннесиначи. Угву приберегал их – ее груди – напоследок в те ночи, когда ласкал себя, сперва потихоньку, потом все сильнее, покуда не вырывался глухой стон. Вначале он всегда воображал ее лицо, круглые щеки, зубы, капельку желтоватые, как слонобая кость, потом – ее объятия и уже под конец – ее груди; он представ-

⁶ Акпу – пюре из маниоки, подается к супу. – *Здесь и далее примеч. перев.*

⁷ Убе – вид груши с мелкими продолговатыми плодами; растет в тропиках.

лял их то упругими – так бы и куснул, – то такими мягкими, что боялся своими воображаемыми ласками причинить ей боль.

В эту ночь Угву тоже хотел помечтать о ней, но удержался. Только не в первую ночь в доме Хозяина, только не на этой кровати, совсем не похожей на плетеный коврик из рафии, оставшийся дома. Угву пощупал мягкий, упругий матрас. Посмотрел, сколько на нем слоев разной ткани, – на них спят или убирают перед сном? Подумав, улегся поверх покрывал, сжавшись в комок.

Ему приснилось, будто Хозяин зовет его: «Угву, друг мой!» Он проснулся – Хозяин стоял в дверях и смотрел на него. Значит, это не сон. Угву слез с кровати и оторопело глянул на окна с задернутыми шторами. Уже поздно? Выходит, он разнежился на мягкой кровати и проспал? Обычно он вставал с первыми петухами.

– Доброе утро, сэр!

– Чую жареную курицу.

– Простите, сэр.

– Где курица?

Угву выудил из карманов шорт кусочки курятины.

– У вас в поселке принято есть во сне? – спросил Хозяин. Он был в странном одеянии, смахивающем на женское пальто, и рассеянно теребил повязанную вокруг пояса веревку.

– Что, сэр?

– Ты хотел позавтракать в постели?

– Нет, сэр.

– Продуктам место на кухне или в столовой.

– Да, сэр.

– Сегодня убери на кухне и в ванной.

– Да, сэр.

Хозяин вышел, а Угву, дрожа всем телом, остался посреди комнаты с куриным крылышком в протянутой руке. Вот досада, что путь в кухню лежит через столовую. Со вздохом сунув свой трофей обратно в карман, Угву потопал из комнаты. Хозяин сидел за столом, перед ним на стопке книг стояла чашка чая.

– Знаешь, кто настоящие убийцы Лумумбы? – спросил он Угву, подняв взгляд от журнала. – Американцы и бельгийцы. А Катанга⁸ ни при чем.

– Да, сэр. – Угву хотелось, чтобы Хозяин продолжал говорить, хотелось слушать и слушать его густой голос, мелодичную смесь игбо с английскими словами.

– Ты мой слуга, – продолжал Хозяин. – Если я прикажу тебе выйти на улицу и избить палкой женщину и ты поранишь ей ногу, кто будет в ответе – ты или я?

Угву смотрел на Хозяина: неужто он так странно на курицу намекает?

– Лумумба был премьер-министром Конго. Знаешь, где Конго?

– Нет, сэр.

Хозяин вскочил и исчез в кабинете. Угву втянул голову в плечи от стыда и страха. Неужели Хозяин отправит его домой за то, что он по-английски скверно говорит, курицу в карман сует и не знает чужих названий? Хозяин принес большой лист бумаги и разложил на столе, сдвинув в сторону книги и журналы. Начал показывать ручкой:

– Вот наш мир, хотя те, кто чертил карту, свою землю поместили над нашей. На самом деле нет ни верха, ни низа, ясно? – Хозяин свернул лист в трубку. – Наша Земля круглая, без конца и края. *Nee anya*, смотри, это все вода, моря-океаны, а здесь Европа, а вот наш

⁸ Катанга – провинция Конго, долгое время боровшаяся за независимость. В 1960 г. провозгласила себя независимым государством, что привело к вооруженному конфликту с центральными властями страны.

континент, Африка. Конго в середине. Чуть выше по карте – Нигерия, а вот Нсукка, на юго-востоке. Здесь мы живем. – Хозяин ткнул ручкой.

– Да, сэр.

– Ты в школу ходил?

– Окончил два класса. Но я всему быстро учусь.

– Два класса? Давно?

– Несколько лет назад, сэр. Но я всему быстро учусь.

– Почему ты бросил школу?

– У отца был неурожай, сэр.

Хозяин задумчиво кивнул.

– И отец не нашел, у кого взять в долг на твою учебу?

– Что, сэр?

– Твой отец должен был занять денег! – отрезал Хозяин и продолжал по-английски: – Образование превыше всего. Как противостоять угнетению, если мы не понимаем его сути?

– Да, сэр! – Угву с готовностью кивнул. Он совсем не против быть превыше всего.

– Я запишу тебя в начальную школу при университете. – Хозяин постукивал ручкой по листу бумаги.

Тетушка обещала Угву, что за хорошую службу Хозяин через несколько лет отдаст его в коммерческое училище, где учат машинописи и стенографии. Про начальную школу при университете она тоже упоминала, но сказала, что там учатся дети преподавателей и ходят они в синей форме и белых узорчатых носках такой тонкой работы, что диву даешься, сколько труда потрачено на безделицу.

– Да, сэр, – отозвался Угву. – Спасибо, сэр.

– Пойдешь в третий класс, наверняка будешь там самым старшим, – продолжал Хозяин. – И чтобы тебя уважали, хочешь не хочешь, а придется стать лучшим. Понял?

– Да, сэр!

– Садись, друг мой.

Угву выбрал самый дальний от Хозяина стул и уселся неловко, коленки вместе. Стоять было удобнее.

– На все, что тебе будут рассказывать в школе об Африке, есть два ответа: правдивый – и тот, что нужен на экзамене. Ты должен читать книги и знать оба ответа. Книги я тебе дам, прекрасные книги. – Хозяин глотнул чаю. – В школе тебе скажут, что реку Нигер открыл белый по имени Мунго Парк⁹. Ерунда. Наши предки ловили в Нигере рыбу, когда ни Мунго Парка, ни его дедушки на свете не было. Но на экзамене напишешь: Мунго Парк.

– Да, сэр. – Чем этот самый Мунго Парк так досадил Хозяину?

– А кроме «да, сэр» ты ничего не умеешь говорить?

– Сэр...

– Спой мне песню. Какие песни ты знаешь? Давай!

Хозяин снял очки. Брови его были сдвинуты, лицо серьезное. Угву запел старую песню, которую слышал на ферме у отца. Сердце больно колотилось. «*Nzogbo nzogbu enyimba, enyi...*»¹⁰

Начал Угву тихонько, но Хозяин постучал ручкой по столу: «Громче!» И Угву запел в полный голос, а Хозяин все требовал: «Громче», пока Угву не сорвался на крик. Прослушав песню несколько раз, Хозяин остановил его:

– Хватит, хватит. Умеешь заваривать чай?

⁹ Мунго Парк (1771–1806) – шотландский исследователь Центральной Африки.

¹⁰ «Иди, иди, могучий слон...» (маршевая песня, прославляющая мощь шагающего слона).

– Нет, сэр. Но я быстро учусь. – Пение расслабило Угву, дышать стало легче, и сердце уже не выпрыгивало из груди. И он окончательно убедился, что Хозяин сумасшедший.

– Обедаю я обычно в университетском клубе. Но раз теперь нас двое, буду приносить побольше еды домой.

– Сэр, я умею готовить.

– Умеешь готовить?!

Угву кивнул. Немало вечеров провел он рядом с матерью, когда та стряпала. Разводил для нее огонь, раздувал угли, если пламя затухало. Чистил и толоч ямс и маниоку, шелушил рис, выбирал долгоносиков из бобов, чистил лук, молот перец. Часто, когда мать хворала, сильно кашляла, Угву жалел, что ее заменяет не он, а Анулика. Но никому не признавался, даже Анулике, сестра и без того над ним смеялась – мол, вечно ты возишься на кухне с женщинами, так у тебя борода никогда не вырастет.

– Ну, можешь готовить для себя, – сказал Хозяин. – Напиши, что тебе нужно из продуктов.

– Да, сэр.

– Ты ведь не знаешь дорогу до рынка? Попрошу Джомо, он тебе покажет.

– Джомо, сэр?

– Джомо ухаживает за садом, приходит трижды в неделю. Большой чудак: как-то раз при мне разговаривал с кустом кротона. – Хозяин помолчал. – Завтра он будет здесь.

Чуть позже Угву составил список продуктов и отдал Хозяину. Тот долго изучал листок.

– Крайне любопытно, – произнес он по-английски. – Надеюсь, в школе тебя научат не пропускать гласные.

Угву уязвила насмешка на лице Хозяина.

– Нам нужны доски, сэр, – сказал он.

– Какие доски?

– Для ваших книг, сэр. Я бы их расставил.

– А-а, полки. Для полок у нас место найдется – скажем, в коридоре. Я договорюсь с кем-нибудь в мастерской.

– Да, сэр.

– Оденигбо. Зови меня Оденигбо.

Угву недоуменно уставился на Хозяина:

– Сэр...

– Меня зовут не «сэр», а Оденигбо.

– Да, сэр.

– Меня зовут Оденигбо. Говорить «сэр» необязательно. Завтра и ты можешь стать сэром.

– Да, сэр... Оденигбо.

Слово «сэр» нравилось Угву больше, оно дышало упругой силой, и несколько дней спустя, когда пришли двое плотников из мастерской прибивать полки в коридоре, Угву попросил их дождаться, когда придет сэр, – сам он не мог расписаться на белом листе бумаги с набранными на машинке словами. «Сэр» он произнес с гордостью.

– Его слуга-деревенщина, – презрительно бросил один из мастеров другому, и Угву вполголоса пожелал ему и всем его потомкам до конца дней мучиться жестоким поносом. Позже, расставляя книги Хозяина, Угву дал себе слово научиться подписывать документы.

Шли недели. Угву вдоль и поперек изучил дом и сад; на дереве кешью нашел гнездо диких пчел, а перед домом – местечко, куда в полуденный зной слетались бабочки; столь же внимательно изучал он привычки Хозяина. По утрам подбирал «Дейли тайме» и «Ренессанс», что бросал у дверей разносчик, и оставлял у Хозяина на столе, рядом с хлебом и чашкой чая. Мыл «опель», пока Хозяин завтракал, и еще раз – когда тот, вернувшись с работы,

отдыхал перед теннисом. В дни, когда Хозяин час за часом просиживал в кабинете, Угву ходил по дому на цыпочках. Если Хозяин шагал по коридору, громко разговаривая сам с собой, Угву кипятил воду для чая. Полы он мыл каждый день. Жалюзи протирал так старательно, что они сверкали на солнце. Замечал каждую трещинку на ванне и до блеска мыл блюдца, в которых подавал орех кола друзьям Хозяина. Гости бывали в доме каждый день, не меньше двух человек; радиолы в гостиной играли странную тихую музыку, и сквозь нее до Угву долетали разговоры, смех, звон бокалов, пока он возился на кухне или в коридоре глади одежду Хозяина.

Угву старался взять на себя побольше работы, чтобы Хозяин во что бы то ни стало держал его при себе, и вот однажды утром он погладил Хозяину носки. Черные полосатые носки не были мятыми, но Угву решил, что если их погладить, будет еще лучше. Раскаленный утюг зашипел; Угву поднял его – половина носка приклеилась. Угву окаменел от ужаса. Хозяин сейчас в столовой, доедает завтрак, и через минуту придет обуваться, возьмет с полки папки и помчится на работу. Угву хотел было спрятать носок под стул и достать из шкафа новую пару, но ноги будто приросли к полу. Он стоял с испорченным носком в руках и обреченно ждал прихода Хозяина.

– Ты погладил носки? – спросил Хозяин. – Жалкий неуч. – Слова «жалкий неуч» прозвучали музыкой.

– Простите, сэр! Простите!

– Я просил не называть меня «сэр». – Хозяин взял с полки папку. – Я опаздываю.

– Принести другую пару, сэр? – предложил Угву, но Хозяин уже сунул ноги в туфли и умчался без носков. Хлопнула дверца машины, взревел мотор. У Угву было тяжело на сердце: ну зачем он погладил носки, нет бы погладить коричневый костюм! Злые духи, вот кто виноват. Злые духи его с толку сбивают. Они всюду маячат. Однажды, когда Угву упал с дерева, и всякий раз, когда он болел лихорадкой, мать растирала его оквумой¹¹ и приговаривала: «Мы их победим, они отступят».

Угву вышел во двор, обогнул аккуратно подстриженный газон, по краю выложенный камнями. Злые духи отступят. Он не сдастся. В глубине газона, как островок посреди зеленого моря, темнела круглая проплешина с тощей пальмой. Эта пальма-недомерок с пышными листьями была в диковинку Угву. Вряд ли она давала плоды, слишком уж хилая, на вид совершенно бесполезная, как и большинство растений на участке. Угву поднял камешек и запустил вдаль. Столько земли пропадает зря! В его родном поселке распахиwały каждый клочок и сажали полезные растения – овощи, травы. Его бабушке незачем было выращивать свою любимую травку, аригбе, она и так росла повсюду. Бабушка говорила, что аригбе смягчает мужское сердце. Она была второй из трех жен и не имела тех преимуществ, которыми пользуется старшая или младшая жена, и, если надо было попросить мужа о чем-то, варила для него пряную ямсовую кашу с аригбе. По словам бабушки, аригбе ни разу не подводила. Может, эта травка смягчила бы и сердце Хозяина.

Угву обошел усадьбу в поисках аригбе. Посмотрел и под розовыми цветами, и под деревом кешью с губчатым пчелиным гнездом на ветке, и под лимонным деревом, по стволу которого сновали черные муравьи, и под папайями, на которых поспевающие плоды были ислекваны птицами. Но всюду было чисто, ни травинки; Джомо старательно изводил сорняки, истреблял все, по его мнению, ненужное.

В первый раз увидев Джомо, Угву поздоровался, а тот лишь молча кивнул и продолжал работать. Этот сухонький человечек словно нуждался в поливе больше, чем растения, на которые направлял жестяную лейку. Джомо все же поднял глаза на Угву. «*Afa m bu Jomo*¹²,

¹¹ Оквума – масло масляного дерева (*Butyrospermum parkii*).

¹² Меня зовут Джомо (*игбо*).

– объявил он, хотя Угву знал его имя. – Еще меня называют Кеньятта, в честь знаменитого кенийца. Я охотник».

Угву растерялся, потому что Джомо сверлил его взглядом, будто ждал рассказа о славных подвигах самого Угву.

– На кого вы охотитесь? – спросил Угву.

Джомо просиял, точно ждал именно этого вопроса, и пустился в рассказы об охоте. Угву слушал, сидя на ступеньках заднего крыльца. С самого начала он не верил историям Джомо – как тот поборол голыми руками леопарда или убил одним выстрелом двух бабуинов, – но слушать было интересно, и он оставлял стирку на те дни, когда приходил Джомо, чтобы стирать на улице, пока Джомо работал. Джомо делал все не спеша, без суеты. Когда он рыхлил, поливал, сажал, каждое его движение было исполнено глубокого смысла. Подстригая живую изгородь, он мог неожиданно поднять взгляд со словами: «Неплохое мясо» – и шел к велосипеду, чтобы нашарить рогатку в сафьяновой сумке, привязанной к багажнику. Как-то раз он камнем сбил с дерева кешью дикого голубя, завернул в листья и спрятал в сумку.

– Сумку мою не трожь, – предупредил он Угву. – Там может оказаться человеческая голова.

Угву посмеялся, конечно, но и не сказать, чтобы совсем не поверил Джомо. Сегодня у Джомо был выходной, а жаль. Вот бы у кого узнать про аригбе, а заодно спросить совета, как задобрить Хозяина.

Угву вышел за ворота и стал искать аригбе среди придорожных трав. Ну наконец. Он увидел возле корней казуарины знакомые морщинистые листья. Еще ни разу не учуял он терпкого аромата аригбе в безвкусной еде, что Хозяин приносил из университетского клуба, а вот он приготовит рагу с аригбе, подаст Хозяину с рисом и станет умолять: «Пожалуйста, не прогоняйте меня, сэр. Я отработаю за носок. Я заработаю на новую пару». Вообще-то непонятно, как добыть денег на новые носки, но все равно нужно сказать Хозяину.

Если аригбе смягчит сердце Хозяина, можно будет посадить ее вместе с другими травами на заднем дворе. Нужно спросить у Хозяина разрешения заняться огородом, тем более что в школу ходить пока не надо – директриса не согласилась взять его посреди четверти. Хотя не слишком ли многого он хочет? Что толку мечтать о грядке с зеленью, если Хозяин не простит ему испорченный носок и выгонит? Угву поспешил на кухню, бросил аригбе на стол и отмерил рису.

Прошло несколько часов; у Угву заныло в животе, когда он услышал скрежет гравия и гул мотора: Хозяин приехал! Угву мешал рагу, до боли стискивая черпак, и внутри у него тоже все сжималось от боли. Вдруг Хозяин и слушать его не станет, а сразу выгонит? Что тогда сказать родне?

– Здравствуйте, сэр... Оденигбо, – выпалил Угву, едва Хозяин переступил порог кухни.

– Здравствуй-здравствуй, – отозвался Хозяин. В одной руке он держал портфель, другой прижимал к груди стопку книг. Угву кинулся к нему, подхватил книги.

– Сэр, будете кушать? – спросил он по-английски.

– А что ты приготовил?

Внутри у Угву все сжалось еще сильнее. Он боялся лопнуть, когда наклонился к столу положить книги.

– Рагу, сэр. Очень вкусное рагу, сэр.

– Рагу? Ладно, попробую.

– Да, сэр!

– Зови меня Оденигбо! – отрезал Хозяин по пути в ванную.

Подав рагу с рисом, Угву встал в дверях кухни, наблюдая за Хозяином. Тот взял вилку, попробовал один кусочек, другой. И воскликнул: «Превосходно, друг мой!»

– Сэр, я могу посадить травы на грядке. Чтобы и дальше готовить рагу.

– На грядке? – Хозяин хлебнул воды, перевернул страницу журнала. – Нет, нет, нет! Твое дело – дом, а садом пусть Джомо занимается. Разделение труда, друг мой. Нужна будет зелень – попросим Джомо.

– Да, сэр. – Угву понравилось, как прозвучало по-английски «разделение труда, друг мой», хотя сам он уже присмотрел втихаря подходящее место для огорода – возле флигеля для слуг, куда Хозяин никогда не ходил. Нельзя доверять Джомо грядку с зеленью, надо ухаживать за ней самому, когда Хозяина нет, – чтобы никогда не переводилась аригбе, трава прощения. Лишь к вечеру Угву понял, что Хозяин забыл про сожженный носок еще до прихода домой.

Стал он догадываться и о многом другом. Понял, что он не совсем обычный слуга. К примеру, слуга доктора Океке из соседнего дома спал не на кровати в отдельной комнате, а на полу в кухне. А слуга из дома в конце улицы, с которым Угву ходил на рынок, готовил не что ему вздумается, а что прикажут. И никому из слуг хозяева не

давали книг со словами: «Отличная вещь, прочти обязательно».

В книгах Угву многое было непонятно, но он рьяно демонстрировал, что читает. Далеко не все понимал он и в разговорах Хозяина с друзьями, но все равно слушал и запоминал, что мир не должен оставаться равнодушным к убийству чернокожих в Шарпвилле; что над Россией сбит самолет-разведчик – и поделом американцам; что де Голль делает глупости в Алжире; что ООН никогда не избавится от Чомбе¹³ в Катанге. То и дело Хозяин вставал, поднимал руку с бокалом и повышал голос. «За храброго чернокожего американца, принятого в Университет Миссисипи!», «За Цейлон и первую в мире женщину-премьера!», «За Кубу, победившую американцев в их же игре!». Угву нравилось слушать перезвон бокалов и пивных бутылок.

По выходным собиралось больше гостей, чем по будням, и, когда Угву приносил им выпить, Хозяин иногда представлял его – ясное дело, по-английски: «Угву помогает мне по хозяйству. Очень смысленный парень». Угву молча откупоривал пиво и кока-колу, а гордость теплой волной разливалась по всему телу от кончиков пальцев. Особенно льстило ему, когда Хозяин представлял его иностранцам – скажем, мистеру Джонсону с Карибского моря, который заикался, или профессору Леману, гнусавому белому американцу с глазами пронзительно-зелеными, как молодая листва. В первый раз его увидев, Угву оробел – он думал, глаза цвета травы бывают только у злых духов.

Очень скоро Угву запомнил самых частых гостей и стал приносить их любимые напитки, не дожидаясь приказа Хозяина. Индус доктор Патель всегда пил пиво «Голден Гинеа» с кока-колой. Хозяин называл его Док. Когда Угву приносил орех кола, Хозяин, прежде чем благословить орех на игбо, каждый раз говорил: «Знаете, Док, орех кола по-английски не понимает». Доктор Патель неизменно хохотал от души, откидываясь на спинку дивана и дрыгая коротенькими ножками, будто впервые слышал шутку. Но когда Хозяин, расколов орех, пускал по кругу блюдце, доктор Патель всегда брал дольку и прятал в карман; при Угву он ни разу не съел орех.

Захаживал долговязый профессор Эзека; голос у него был очень сиплый, почти шепот. Свой бокал он всегда подносил к свету, проверяя, хорошо ли Угву его вымыл. Он то приходил с бутылкой джина, то просил чаю и разглядывал сахарницу и банку сгущенки, бормоча: «Свойства бактерий поистине удивительны».

Был еще Океома, заходил чаще всех и засиживался дольше остальных. На вид самый молодой из гостей, он всегда носил шорты, а его густые волосы с косым пробором были

¹³ Моиз Чомбе (1919–1969) – конголезский политик, премьер-министр Конго в 1964–1965 гг. В 1960–1963 гг. был правителем самопровозглашенной республики Катанга.

еще длиннее, чем у Хозяина, только спутанные, будто их редко касалась расческа. Океома пил фанту. Иногда он читал вслух свои стихи, держа в руках кипу листов, и Угву сквозь щелку в кухонной двери видел, как все слушают с неподвижными лицами, боясь дохнуть. Потом Хозяин, хлопая, восклицал: «Голос поколения!» – и аплодисменты продолжались, пока Океома не обрывал их резко: «Хватит!»

Наконец, была мисс Адебайо; она пила бренди, как Хозяин, и вовсе не походила на сотрудницу университета, какими представлял их Угву. О сотрудницах университета ему рассказывала тетушка. Уж она-то знала, ведь днем работала уборщицей на факультете естественных наук, а по вечерам – официанткой в университетском клубе, и еще преподаватели иногда приглашали ее убирать в своих домах. Тетушка говорила, что женщины из университета держат на полках снимки студенческих лет из Ибадана, Англии и Америки, на завтрак едят недоваренные яйца, носят парики с прямыми волосами и длинные платья по щиколотку. Она рассказывала, как однажды на вечеринку в университетский клуб приехала пара на красивом «пежо 404» – мужчина в модном кремовом костюме и женщина в зеленом платье. Все залюбовались, когда они вылезли из машины и пошли рука об руку, но тут с головы женщины ветром сдуло парик. И все увидели, что она лысая. «А все потому, – говорила тетушка, – что расправляют волосы раскаленными расческами. Вот и остаются без волос».

Угву представлял лысую женщину красавицей со вздернутым носиком, а не с приплюснутым, как у всех. Воображал хрупкость неземную, мысленно видел женщину, у которой смех, голос, дыхание – все нежнее цыплячьего пуха. Но совсем иные женщины встречались ему в гостях у Хозяина, на улице и в магазинах. Почти все носили парики (только некоторые заплетали волосы в косички) и вовсе не походили на хрупкие тростинки. Все шумные, горластые, а самая шумная – мисс Адебайо. По фамилии можно было и так догадаться, что она не игбо, а однажды Угву встретил ее со служанкой на рынке, и обе тараторили на йоруба. Мисс Адебайо предложила подвезти Угву до университетского городка, но Угву поблагодарил и сказал, что возьмет такси, ему надо еще много чего купить. На самом-то деле все нужное он уже купил, просто не хотел ехать с ней в машине, ему не нравилось, что в гостиной она всегда пытается перекричать Хозяина, вызвать на спор. Угву всякий раз сдерживался, чтобы не крикнуть ей из кухни: «Заткнись!» – особенно когда она называла Хозяина софистом. Угву не знал, что значит софист, но все равно огорчался. Не нравились Угву и ее взгляды в сторону Хозяина. Даже если говорил кто-то другой, она все равно смотрела на Хозяина. Как-то раз Океома разбил бокал, и Угву зашел убрать осколки. Уходить он не спешил – слушать разговоры лучше в гостиной, чем на кухне, тем более что профессора Эзеку из кухни и вовсе не слышно.

– Необходим всеафриканский отклик на события в Южной Африке... – говорил профессор Эзека.

Хозяин перебил его:

– Знаете ли, панафриканизм – на самом деле выдумка европейцев.

– Вы уходите от темы. – Профессор Эзека с обычным самодовольством покачал головой.

– Может быть, и выдумка европейцев, – вмешалась мисс Адебайо, – но по большому счету все мы – одна раса.

– По какому такому счету? – переспросил Хозяин. – По большому счету белого человека! Неужели не видно, что все мы разные и только для белых мы на одно лицо?

Угву уже знал, что Хозяин легко срывался на крик, а после третьей рюмки бренди начинал размахивать руками и мало-помалу съезжал на самый краешек кресла. По ночам, когда Хозяин засыпал, Угву садился в его кресло и, подражая ему, беседовал с воображаемыми гостями, тщательно выговаривал слова «деколонизация» и «всеафриканский» и тоже ерзал в кресле, пока не оказывался на самом краю.

– Разумеется, все мы похожи в одном: нас притесняют белые, – сухо сказала мисс Адебайо. – И panaфриканизм – самый разумный ответ.

– Да-да, конечно, но я о том, что африканец по-настоящему отождествляет себя лишь со своим племенем, – ответил Хозяин. – Я нигериец, потому что белые создали Нигерию и назвали меня нигерийцем. Я черный, поскольку белые делят людей на расы, чтобы подчеркнуть свое отличие от нас. Но прежде всего я – игбо, ведь наш народ существовал и до прихода белых.

Профессор Эзека, сидевший нога на ногу, хмыкнул, покачал головой:

– Но лишь благодаря белым вы осознали себя как игбо. Национальная идея игбо появилась, чтобы противостоять господству белых. Поймите, племя сегодня – точно такой же продукт колониализма, как государство и раса. – Сняв левую ногу с правой, профессор Эзека забросил правую на левую.

– Национальная идея игбо существовала задолго до белых! – закричал Хозяин. – Распросите старейшин в родной деревне о вашей истории!

– Вся беда в том, что Оденигбо – националист до мозга костей, надо его утихомирить, – сказала мисс Адебайо. И изумила Угву до крайности: вскочила со смехом, подошла к Хозяину и зажала ему рот рукой. И простояла, как показалось Угву, целую вечность, прилепив ладонь к губам Хозяина. Угву представил, как на ее пальцах остается слюна Хозяина вперемешку с бренди. Ошеломленный, он собрал осколки бокала. А Хозяин сидел как ни в чем не бывало, покачивая головой, будто находил эту сцену очень забавной.

С той поры мисс Адебайо стала совсем невыносимой и все больше походила на летучую мышь: острая мордочка и цветные платья, хлопающие вокруг нее крыльями. Угву подносил ей бокал в последнюю очередь, а когда она звонила в дверь, не спешил открывать, долго и тщательно вытирая руки кухонным полотенцем. Он боялся, что мисс Адебайо выйдет за Хозяина замуж, приведет в дом горничную йоруба, уничтожит его грядку с зеленью и станет указывать, что готовить. Боялся, пока не услышал разговор Хозяина с Океомой.

– Домой она сегодня явно не торопилась, – говорил Океома. – *Nwoke m¹⁴*, так ты точно не хочешь с ней переспать?

– Не болтай чепухи.

– Не бойся, в Лондоне никто не узнает.

– Послушай...

– Знаю, она не в твоём вкусе. И вообще ума не приложу, что женщины в тебе находят.

Океома засмеялся, и у Угву отлегло от сердца. Он не хотел, чтобы мисс Адебайо – или другая женщина – водворилась в доме и нарушила привычный ход их жизни. Иногда по вечерам, когда гости расходились раньше обычного, Угву устраивался на полу в гостиной и слушал рассказы Хозяина. Говорил Хозяин обычно о чем-то мудреном, словно из-за бренди забывал, что Угву – не один из его гостей. Но Угву было все равно, лишь бы слушать его густой голос, плавную речь, пересыпанную английскими словами, смотреть, как поблескивают толстые стекла очков.

Угву служил уже четыре месяца, когда однажды Хозяин объявил:

– На выходные ко мне приезжает особенная гостя. Особенная. В доме должна быть чистота. Все блюда я закажу в университетском клубе.

– Но, сэр, я и сам могу приготовить, – вскинулся Угву, почуяв неладное.

– Она вернулась из Лондона, друг мой, и любит рис, приготовленный по-особому. Кажется, жареный. Вряд ли у тебя получится как надо. – Хозяин направился к двери.

¹⁴ Дружище (*игбо*).

– Получится, сэр, – выпалил Угву, хотя впервые услышал про жареный рис. – Можно я приготовлю рис, а вы принесете курицу из университетского клуба?

– Вот оно, искусство переговоров! – произнес по-английски Хозяин. – Ладно уж, готовь рис.

– Да, сэр.

В тот день Угву вымыл полы и вычистил туалет, как всегда, старательно, но Хозяин сказал, что в доме грязно, сбегал еще за одной банкой порошка для ванны и спросил сердито, почему грязь между плитками. Угву вновь принялся драить. С него градом катил пот, рука заныла от усердия. В субботу, стоя у плиты, он злился: никогда еще Хозяин не жаловался на его работу. А всему виной гостья – такая, видите ли, особенная, что он, Угву, недостойн для нее стряпать. Подумаешь, только что из Лондона!

Когда в дверь позвонили, Угву выругался про себя: чтоб ты дерьма объелась! Раздался громкий голос Хозяина, по-детски радостный, потом – тишина, и Угву представил Хозяина в обнимку с той уродиной. Но, услышав ее голос, застыл как вкопанный. Он-то думал, что Хозяин говорит по-английски лучше всех, что с ним никто не сравнится – ни профессор Эзека, которого почти не слышно, ни Океома, говоривший на английском с интонациями и паузами игбо, ни Патель, бубнивший под нос. Даже белому профессору Леману далеко было до Хозяина. Английский в устах Хозяина звучал как музыка, но то, что исходило из уст гостьи, было чудом. Язык высшей пробы, блестящий, благородный; так говорят дикторы по радио – плавно и отчетливо. Она будто нарезала острым ножом ямс: каждое слово, как каждый ломтик, – само совершенство.

– Угву! – позвал Хозяин. – Принеси кока-колу!

Угву вошел в гостиную. От гостьи пахло кокосом. Угву поздоровался еле слышно, не поднимая глаз.

– *Kedu?*¹⁵ – спросила она.

– Хорошо, мэм.

Угву так и не взглянул на нее. Пока он откупоривал бутылку, Хозяин что-то сказал, и гостья засмеялась. Угву приготовился налить ей в бокал холодной кока-колы, но она прикоснулась к его руке:

– *Raruba*, не беспокойся, я сама.

Ладонь ее была чуть влажная.

– Да, мэм.

– Твой хозяин рассказывал, как чудесно ты за ним ухаживаешь, Угву. – Ее игбо звучал мягче, чем английский, и Угву был разочарован, услышав, как непринужденно лилась ее речь. Уж лучше бы она изъяснялась на игбо с трудом; Угву не ожидал, что безукоризненный игбо может соседствовать со столь же безупречным английским.

– Да, мэм, – промямлил он, по-прежнему глядя в пол.

– Чем ты нас угостишь, друг мой? – спросил Хозяин, хотя и так знал. Голос у него был такой сладкий, что аж противно.

– Сейчас несусь, сэр, – ответил Угву по-английски и сразу пожалел, что не сказал «Сию минуту подам». Красивее прозвучало бы, и она обратила бы внимание. Накрывая в столовой, Угву старался не оборачиваться в сторону гостиной, хотя оттуда долетал ее смех и голос Хозяина с новыми, неприятными нотками.

Только когда Хозяин и гостья садились за стол, Угву решился на нее взглянуть. Овальное лицо, гладкая кожа удивительного цвета – как земля после дождя, глаза большие, но не круглые, а сужающиеся к уголкам. Неужели она ходит и разговаривает, как все другие прочие? Ее место – в стеклянном ящике вроде того, что у Хозяина в кабинете, тогда люди

¹⁵ Как дела? (*игбо*)

могли бы любоваться плавными изгибами ее пышного тела, ее длинными, до плеч, волосами, заплетенными в косички с пушистой кисточкой на кончике. Она часто улыбалась, показывая зубы, такие же ярко-белые, как белки ее глаз. Угву, наверное, целую вечность стоял и таращился на нее, пока Хозяин не сказал:

– Это не самое удачное блюдо Угву. Он делает отличное рагу.

– Рис пресный, но лучше уж пресный, чем невкусный. – Она улыбнулась Хозяину и обратилась к Угву: – Я научу тебя правильно готовить рис, почти без масла.

– Да, мэм, – кивнул Угву.

Не зная, как готовить жареный рис, он просто поджарил его на арахисовом масле, втайне надеясь, что от такого угощения оба сразу побегут в туалет. Зато теперь он мечтал приготовить первоклассный обед – вкусный рис джоллоф¹⁶ или свое фирменное рагу с аригбе, – чтобы показать ей свое искусство. Угву нарочно медлил с мытьем посуды, чтобы плеск воды не заглушал ее голос. Подавая им чай, он несколько раз перекладывал печенье на блюдец, чтобы подольше задержаться и послушать ее, пока Хозяин не поторопил его: «Итак хорошо, друг мой». Звали ее Оланна. Но Хозяин произнес ее имя всего однажды; он все время называл ее *нкем*, «моя женщина». Они обсуждали ссору между премьерами Севера и Запада, и вдруг Хозяин проронил: подождем, пока ты переедешь в Нсукку, ведь осталось всего несколько недель. Угву затаил дыхание. Уж не ослышался ли он? Хозяин, смеясь, продолжал: «Но мы будем жить здесь вместе, *нкем*, а квартиру на Элиас-авеню ты тоже можешь оставить».

Она переедет в Нсукку. Она будет жить в этом доме. Угву отошел от двери и уставился на кастрюлю на плите. Отныне жизнь его изменится. Он научится готовить жареный рис, будет экономить масло и подчиняться ее приказам. Угву стало грустно, но в его грусти чего-то не хватало; он был полон и надежды, и какой-то непонятной радости.

В тот же вечер, когда Угву стирал белье Хозяина на заднем дворе под лимонным деревом, он поднял глаза от тазика с мыльной водой и увидел ее – она стояла в дверях, глядя на него. Угву решил, что ему померещилось, ведь те, о ком он много думал, часто приходили к нему в мечтах. Он без конца вел воображаемые беседы с Ануликой, а перед сном, когда он ласкал себя, на миг являлась Ннесиначи с загадочной улыбкой. Но Оланну он видел наяву. Она шла к нему через двор. Она была в одном только покрывале, завязанном на груди, и Угву представил ее желтым плодом кешью, спелым и красивым.

– Вам что-нибудь нужно, мэм? – спросил Угву. Казалось, если дотронуться до ее лица, то кожа на ощупь будет гладкой, как масло, которое Хозяин достает из бумажной обертки и намазывает на хлеб.

– Давай помогу. – Она указала на простыню, что полоскал Угву, и тот медленно вынул ее из таза. Оланна взялась за один конец и отступила. – Выкручивай.

Они вместе выжимали простыню, держась за концы и глядя, как с нее струйками течет вода. Простыня норовила выскользнуть из рук.

– Спасибо, мэм, – поблагодарил Угву и от ее ответной улыбки будто стал выше ростом.

– Смотри, вон те папайи почти созрели. *Lotekwa*, не забудь собрать.

И голос ее, и сама она казались гладкими, полированными, как камешек на дне ручья, отшлифованный за долгие годы искристой водой, и смотреть на нее было все равно что любоваться таким камешком. Она направилась к дому; и Угву глядел ей вслед.

Он не хотел ни с кем делить заботу о Хозяине, боялся, что привычный порядок их с Хозяином жизни пошатнется, и все же мысль, что он может никогда ее не увидеть, была невыносима. Поздно вечером, после ужина, Угву подкрался на цыпочках к хозяйской

¹⁶ Джоллоф – рис с томатным соусом и пряностями.

спальне и прижался ухом к двери. Из спальни неслись стоны, громкие, хриплые – даже не верилось, что это она так стонет. Угву простоял долго, пока стоны не стихли, и ушел к себе.

2

Оланна, сидя в машине, кивала в такт музыке хайлайф¹⁷. Рука ее покоилась на бедре Оденигбо; она убирала руку, когда он переключал передачи, и смеялась, когда он дразнил ее Афродитой-искусительницей. Весело было ехать с ним рядом в машине с открытыми окнами, вдыхая пыльный воздух, под мечтательные напевы Рекса Лоусона. Оденигбо всего два часа оставалось до лекции, но он все равно предложил отвезти Оланну в аэропорт Энугу, и хотя Оланна отговаривала его для вида, ей было приятно. Когда ехали узкой дорогой через Милликен-Хилл, где с одной стороны зияла пропасть, а с другой нависала скала, она не стала просить Оденигбо сбавить скорость. Не взглянула она и на табличку у дороги, с надписью от руки кривыми буквами: «Лучше всюду опоздать, чем успеть на встречу со смертью».

Когда подъезжали к аэропорту, Оланне взгрустнулось при виде стройных белоснежных самолетов, уходящих в небо. Оденигбо поставил машину у входа с колоннадой. Вокруг столпились носильщики, галдя наперебой: «Сэр? Мадам? Ваш багаж?» – но Оланна их почти не слышала, потому что Оденигбо притянул ее к себе.

– Жду не дождусь, нкем, – шепнул он, прижимаясь к ее рту губами со вкусом мармелада. Оланна хотела ответить, что тоже ждет не дождется переезда в Нсукку, но все было ясно без слов, и Оденигбо целовал ее, и по низу ее живота разлилось тепло.

Раздался гудок автомобиля. Носильщик крикнул: «Эй, здесь место для погрузки! Только для погрузки!»

Оденигбо разжал объятия и вылез из машины, чтобы достать из багажника ее сумку. Помог донести до кассы.

– Счастливого пути, *ije oma*, – пожелал он.

– Не лихачь на дороге, – отозвалась Оланна.

Она проводила его взглядом – кряжистого, в брюках цвета хаки и наглаженной рубашке с коротким рукавом. Двигался он решительной поступью человека, который никогда не станет спрашивать дорогу, а твердо знает, что найдет ее сам. Когда его машина скрылась, Оланна, опустив голову, потянула носом. Утром перед отъездом она во внезапном порыве побрызгалась его одеколоном «Олд Спайс», не признавшись Оденигбо – он посмеялся бы, и только. Человек он не суеверный, не поймет, что она взяла с собой частичку его. Как будто запах способен хоть ненадолго заглушить ее сомнения, помочь ей стать похожей на него – прибавить уверенности, побороть нерешительность.

Оланна повернулась к кассиру и написала на клочке бумаги свою фамилию.

– Добрый день. Мне, пожалуйста, билет до Лагоса в один конец.

– Озобиа? – Рябое лицо кассира расплылось в улыбке. – Дочь господина Озобиа?

– Да.

– Ах! Прекрасно, мадам. Сейчас попрошу швейцара проводить вас в зал ожидания для важных лиц. – Кассир оглянулся: – Икенна! Где этот дурень? Икенна!

Оланна, покачив головой, улыбнулась.

– Спасибо, не надо. – Ей совсем не хотелось сидеть в зале для важных лиц.

Общий зал был битком. Оланна села напротив троих бедно одетых ребяташек; они хихикали, а отец грозно поглядывал на них. Ближе всех к Оланне сидела их бабушка, мрачная морщинистая старуха, она сжимала сумочку, бормоча под нос. От ее покрывала шел

¹⁷ Хайлайф – музыкальный стиль, возник в англоязычной Западной Африке в начале XX века, достиг расцвета в 1950—1960-е гг.; соединял гитарную группу с джазовыми духовыми, африканские национальные ритмы – с западноевропейскими. Среди наиболее известных исполнителей – Рекс Лоусон, Бобби Бенсон, Виктор Увайфо, Осита Осадебе.

затхлый дух – по такому случаю наряд явно извлекли из сундука. Когда звонкий голос объявил о прибытии самолета «Найджириа Эйрэйз», отец вскочил и снова сел.

– Вы кого-то встречаете? – на игбо спросила у него Оланна.

– Да. Мой брат. Прилетает из-за границы, он учился там четыре года. – Говор выдавал уроженца Оверри и деревенского жителя.

– Вот как. – Оланна хотела спросить, из какой страны прилетает его брат и на кого учился, но раздумала. Мужчина мог и не знать.

К Оланне обратилась бабушка:

– Он первым из нашей деревни уехал за границу, и односельчане приготовили для него танец. Танцоры будут встречать нас в Икедуру. – Она гордо улыбнулась, обнажив коричневые зубы. Ее акцент был еще сильнее, чем у сына, Оланна с трудом ее понимала. – Соседки мне завидуют, но разве я виновата, что у их сыновей пустые головы, а мой сын заслужил стипендию у белых?

Объявили о прибытии еще одного самолета, и отец закричал:

– *Chere!*¹⁸ Это он? Он!

Дети вскочили, отец велел им сесть, а сам поднялся. Бабушка прижала сумочку к груди. Оланна смотрела, как садится самолет. Он коснулся земли, а когда заскользил по полосе, бабушка с криком выронила сумочку.

Оланна и сама испугалась:

– Что такое? Что случилось?

– Куда он едет? – Бабушка схватилась за голову. – *Chi m!* Боже мой! Горе мне! Куда везут моего сына? Неужто обманули?

– Не волнуйтесь, он остановится. Он так всегда приземляется. – Оланна подняла с пола сумочку и взяла мозолистую бабушкину руку в свою. – Он остановится, – повторила она.

Оланна держала бабушку за руку, пока самолет не остановился. Буркнув что-то о глупцах, которые не умеют строить самолеты, старушка высвободила руку, и семейство устремилось к выходу для встречающих. Идя на посадку, Оланна то и дело оглядывалась, надеясь хоть одним глазком посмотреть на сына, прилетевшего из-за границы, но так его и не увидела.

Полет был тряским. Сосед Оланны громко хрустел горьким орехом кола и все пытался завести с ней разговор, а Оланна отодвигалась дальше и дальше, пока не оказалась прижатой к стенке.

– Я просто хотел сказать, что вы очень красивая, – объяснил сосед.

Оланна с улыбкой поблагодарила и уткнулась в газету. Расскажи она Оденигбо о попутчике, он посмеялся бы, как смеется обычно над ее воздыхателями, со своей всегдашней непоколебимой уверенностью. Именно эта уверенность и покорила ее два года назад в Ибадане, в дождливый июньский полдень, скорее напоминавший синие сумерки. Оланна приехала из Англии на каникулы. У нее был серьезный роман с Мухаммедом. Вначале она не обратила внимания на Оденигбо, стоявшего впереди нее в очереди за билетами в университетский театр. Могла бы и вовсе его не заметить, если бы не билетер, знаком подозревавший седоватого белого, стоявшего за ней. «Позвольте вам помочь, сэр», – выговорил билетер с нелепым «белым» акцентом, излюбленным невеждами.

Оланна была раздосадована, но не слишком – все равно очередь двигалась быстро. Она никак не ожидала столь яростного отпора от человека в коричневом костюме и с книгой в руках – Оденигбо. Он шагнул вперед, вернул белого в очередь и обрушился на билетера:

– Жалкий неуч! Чем белый лучше ваших земляков? Вы должны извиниться перед всей очередью! Сейчас же!

¹⁸ Подождите! (игбо)

Оланна изучала взглядом его крепкую коренастую фигуру, дуги бровей за стеклами очков, а про себя уже прикидывала, как расстаться с Мухаммедом, причинив ему по возможности меньше боли. Вероятно, она ощутила бы самобытность Оденигбо, даже если бы он и не подал голоса; все было ясно уже по прическе, по ореолу непослушных волос. Однако выглядел он ухоженным – явно не из тех, кто подкрепляет радикализм неряшливостью. Когда он проходил мимо, она сказала с улыбкой: «Вы молодчина!» Впервые в жизни она так расхрабрилась, потребовала внимания от мужчины. Он остановился, представился: «Меня зовут Оденигбо». «А я – Оланна».

Много позже она сказала, что в тот миг ощутила искру между ними, а он признался, что нахлынувшее желание было сильным как боль.

Испытав на себе силу его страсти, Оланна была потрясена. Она не подозревала, что мужские ласки способны доводить до беспамятства, поднимать туда, где ни о чем не думаешь, ничего не помнишь, только чувствуешь. За два года острота ощущений не притупилась, как не ослаб и восторг Оланны перед его чудачествами и твердыми убеждениями. Правда, Оланна опасалась, что причина только в их встречах урывками – они виделись на каникулах, а все остальное время переписывались, перезванивались. А теперь, когда она вернулась в Нигерию и им предстояло жить вместе, его уверенность и отсутствие даже тени страха перед будущим и ставили Оланну в тупик.

Оланна посмотрела на облака за окном, похожие на клубы дыма, и ей подумалось, насколько все же хрупки люди.

Оланне не хотелось ужинать с родителями, тем более что они пригласили господина Оконджи, но мать зашла к ней в комнату и стала упрашивать: ну пожалуйста, ведь не каждый день мы принимаем министра финансов, а сегодняшний ужин особенный – из-за строительного подряда, которого добивался отец.

– *Biko*¹⁹, оденься красиво. Кайнене тоже принарядится, – добавила мать, словно упоминание о сестре-двойняшке к чему-то обязывало.

Теперь, сидя за столом, Оланна расправила салфетку на коленях и улыбнулась слуге, который поставил перед ней тарелку с разрезанным пополам авокадо. Он был в туго накрахмаленной белой форме – брюки как из картона.

– Спасибо, Максвелл.

– Пожалуйста, – проямлил Максвелл и двинулся дальше с подносом.

Оланна обвела взглядом сидящих за столом. Родители, согласно кивая, внимали рассказу господина Оконджи о встрече с премьер-министром Балева²⁰. Кайнене уставилась в тарелку с лукавой гримаской, будто посмеиваясь над авокадо. Никто из них не поблагодарил Максвелла. А стоило бы, подумала Оланна, ведь это такая малость, знак уважения к тем, кто тебе служит. Как-то раз она уже завела об этом речь, но отец сказал, что слугам и без «спасибо» хорошо платят; мать возмутилась: начнешь их благодарить – чего доброго, распустятся. Кайнене, как всегда, промолчала со скучающим видом.

– Давненько я не едал такого вкусного авокадо, – похвалил господин Оконджи.

– С одной из наших ферм, – вставила мать. – Под Асабой.

– Попрошу слугу вам завернуть, – предложил отец.

– Отлично, – обрадовался господин Оконджи. – Правда ведь, вкусно, Оланна? Ты так смотришь, будто авокадо кусается. – Он расхохотался грубо, фальшиво, а мать с отцом подхватили.

¹⁹ Пожалуйста (*игбо*).

²⁰ Абубакар Тафава Балева – нигерийский политический деятель, в 1960 г. возглавил первое правительство независимой Нигерии.

– Очень вкусно. – Оланна подняла голову. Улыбка господина Оконджи сочилась влажной. В клубе «Икойи» на прошлой неделе, когда он сунул Оланне в руку свою визитку, ей казалось, будто рот у него полон слюны и стоит ему улыбнуться, как по подбородку потянется ниточка.

– Надеюсь, ты подумала и решила работать у нас в министерстве, Оланна. Нам нужны первоклассные специалисты вроде тебя.

– Не каждому предлагает работу сам министр финансов, – заметила мать, будто бы ни к кому не обращаясь, и улыбка осветила ее продолговатое шоколадное лицо красоты настолько безупречной, что подружки прозвали ее Картинкой.

Оланна положила на стол ложку.

– Я решила переехать в Нсукку. Через две недели уезжаю.

От нее не укрылось, что губы отца сжались в ниточку, а рука матери застыла в воздухе, словно произошла трагедия и помешала ей посолить авокадо.

– Я думала, ты еще не решила...

– Надо спешить, иначе на мое место возьмут кого-нибудь другого.

– В Нсукку? Я не ослышался? Ты переезжаешь в Нсукку? – переспросил господин Оконджи.

– Меня берут преподавателем на факультет социологии, – сказала Оланна. Обычно она не солила авокадо, но сейчас фрукт показался таким пресным, что ее затошнило.

– Вот, значит, как. Ты нас покидаешь, – вздохнул господин Оконджи. Лицо его точно плавиться начало, пошло складками. Повернувшись, он с напускной веселостью обратился к сестре: – А ты, Кайнене?

Кайнене глянула на господина Оконджи в упор, почти враждебно.

– А что я? Мой свеженький диплом тоже без дела не запылится. Я уезжаю в Порт-Харкорт, управлять тамошними папиными предприятиями.

Раньше у Оланны бывали озарения, когда она угадывала мысли Кайнене. В начальной школе они могли посмотреть друг на друга и рассмеяться, не говоря ни слова, потому что им приходила в голову одна и та же шутка. Теперь такие моменты у нее в прошлом, да и у Кайнене наверняка тоже – сестры давно не говорили по душам. Они вообще едва общались.

– Значит, Кайнене будет управлять цементным заводом? – обратился господин Оконджи к отцу.

– Она будет ведать всем на Востоке – заводами и нашими новыми нефтяными месторождениями. Делового чутья ей не занимать.

– И кто сказал, что иметь дочерей-двойняшек – невезение? – пафосно заявил господин Оконджи.

– Кайнене стоит двух сыновей, – отозвался отец, бросив взгляд на Кайнене. Та отвернулась, будто не замечая гордости на его лице, а Оланна спешно уставилась в тарелку, чтобы никто из них не догадался, что она наблюдает. Светло-зеленая тарелка сливалась цветом с авокадо.

– В выходные приходите все вместе ко мне, – предложил господин Оконджи. – Вам стоит отведать рыбного супа с перцем. Мой повар родом из Нембе и знает толк в свежей рыбе.

Отец и мать хором захихикали. Оланна не поняла, что тут смешного, но чего ждать от шутки министра. Пошутить изволил – и на том спасибо.

– Отлично! – воскликнул отец.

– Хорошо бы прийти всей семьей, до отъезда Оланны, – добавила мать.

Оланну кольнули ее слова.

– Я бы рада, но уезжаю на выходные.

– Так скоро? – Во взгляде отца Оланне почудилась мольба. Интересно, как родители обещали господину Оконджи связь с ней в обмен на контракт – прямо или намеком?

– Собираюсь в Кано, повидать дядю Мбези и всех родных, а заодно и Мухаммеда, – объяснила она.

Отец что есть силы ткнул ножом в авокадо.

– Ясно.

Оланна молчала, припав губами к стакану с водой.

После ужина все вышли на балкон выпить. Оланне был по душе этот обычай, она любила постоять у перил в стороне от родителей и гостей, глядя вниз, на высокие фонари вдоль дорожек, такие яркие, что в их свете вода в бассейне серебрилась, а розовые бугенвиллеи и алые гибискусы пламенели. В тот единственный раз, когда Оденигбо гостил у нее в Лагосе, они стояли на балконе вдвоем, глядя на бассейн. Оденигбо бросил вниз винную пробку, и они вместе следили, как она плюхнулась в воду. За ужином он перепил бренди и ввязался в спор, когда отец стал доказывать, что мысль основать университет в Нсукке – бред, поскольку Нигерия не созрела для национального университета, а получать поддержку из Америки вместо серьезного британского университета – глупость несусветная. Оланна думала, Оденигбо поймет, что отец всего лишь хочет позлить его и показать, что старший преподаватель из Нсукки – невелика птица. Она надеялась, что Оденигбо пропустит слова отца мимо ушей. Но Оденигбо, с каждой минутой распаляясь, доказывал, что Нсукка свободна от колониального влияния. Оланна без конца подмигивала ему – мол, замолчи, но Оденигбо, должно быть, в темноте не заметил ее знаков. Хорошо хоть телефонный звонок прервал разговор. В глазах родителей Оланна прочла невольное уважение, и все же это не помешало им сказать дочери, что Оденигбо ей не пара, что он ненормальный, один из тех ученых горлопанов, которые все уши прожужжат своей болтовней, а о чем болтают, поди разберись.

– Какой прохладный вечер, – услышала она за спиной голос господина Оконджи.

Оланна обернулась. Она и не заметила, что родители и Кайнене давно ушли.

Воротник агбады²¹ господина Оконджи был расшит золотом. Оланна взглянула на его жирную шею и представила, как он раздвигает складки, когда купается.

– Как насчет встречи завтра? В отеле «Икойи» вечеринка с коктейлями. Я представил бы всю твою семью кое-кому из наших эмигрантов. Им нужна земля, и я могу устроить, чтобы они купили у твоего отца раз в пять, а то и в шесть дороже.

– Завтра я участвую в благотворительной поездке общества Святого Викентия де Поля²².

Господин Оконджи подошел к ней вплотную идохнул ей в лицо перегаром.

– Ты сводишь меня с ума.

– Мне это неинтересно, господин министр.

– Я без ума от тебя. Вот что, в министерстве тебе не придется работать. Я тебя назначу в любой совет, в какой захочешь, и квартиру для тебя обставлю, где пожелаешь.

Он притянул ее к себе, и в первый миг Оланна безвольно обмякла. Она привыкла к приставаниям мужчин, от которых несло дорогим одеколоном и самоуверенностью: у меня есть власть и деньги, а у тебя – красота, значит, ты создана для меня. Когда Оланна оттолкнула его, ощутив под пальцами дряблое тело, ее едва не стошнило.

– Довольно, господин министр.

²¹ Агбада – яркая просторная мужская национальная одежда.

²² Св. Викентий де Поль, Винсент де Поль (1581–1660) – католический святой, основатель конгрегации лазаристов и конгрегации дочерей милосердия.

Глаза его были закрыты.

– Я люблю тебя, поверь. Люблю.

Оланна выскользнула из его рук и ушла с балкона. Из гостиной долетали неразборчивые голоса родителей. Оланна остановилась понюхать поникшие цветы на столике у подножия лестницы и поднялась к себе. Собственная комната показалась ей чужой. Теплые коричневатые тона, песочного цвета мебель, темно-красный пушистый ковер. Здесь было так много свободного места, что Кайнене называла их комнаты квартирами. На кровати лежал выпуск «Лагос лайф», Оланна подняла его, пролистнула. На пятой странице безмятежно улыбались она и мать на светском приеме у британского верховного комиссара²³. Заметив фотографа издали, мать обняла ее, но, когда щелкнула вспышка, Оланна подошла к нему и попросила не печатать снимок. Фотограф ответил недоуменным взглядом. Глупый порыв с ее стороны: парню-то невдомек, до чего тяжело жить у всех на виду.

Оланна читала, лежа в постели, когда раздался стук в дверь и зашла мать.

– Читаешь? – В руках она держала несколько рулонов материи. – Только что проводили господина Оконджи. Просил тебе передать.

– Что это?

– Перед отъездом господин Оконджи попросил шофера достать из машины. Самое модное кружево из Европы. Правда ведь, прелесть?

Оланна пощупала ткань.

– Согласна.

– А видела, в чем он был одет? Необыкновенно! *Ezigbo!*²⁴ – Мать присела к ней на постель. – Говорят, он никогда не надевает одежду дважды. Наденет раз – и отдает слугам.

Оланна вообразила слуг, чьи сундуки ломаются от кружев, – наверняка беднякам платят гроши, зато раздают аг-бады с хозяйского плеча, в которых им некуда пойти. На душе было тяжело. Разговоры с матерью утомляли ее.

– Какой выбираешь, нне?²⁵ Я велю сшить для вас с Кайнене блузки и длинные юбки.

– Спасибо, мама, не надо. Закажи лучше что-нибудь для себя. В Нсукке мне вряд ли понадобятся дорогие кружева.

Мать провела пальцем по тумбочке у кровати.

– Эта дура горничная плохо вытирает пыль. Думает, я ей плачу за красивые глаза?

Оланна отложила журнал. По натянутой улыбке матери, по скупым жестам она догадалась, что та хочет что-то сказать.

– Как дела у Оденигбо? – выговорила мать.

– Все хорошо.

Мать вздохнула преувеличенно громко, будто моля, чтобы Оланна одумалась.

– Ты хорошо подумала насчет переезда в Нсукку? Уверена?

– Ни капельки не сомневаюсь.

– Но ведь там никаких удобств! – При слове «удобств» мать заметно содрогнулась, и Оланна едва сдержала улыбку: наверняка мама представила скромный университетский домик с незатейливой мебелью и голыми полами.

– Обойдусь и без удобств, – заверила Оланна.

– Ты можешь найти работу в Лагосе, а по выходным ездить к нему.

– Не хочу работать в Лагосе. Я хочу преподавать в университете и жить с ним.

Мать смерила Оланну взглядом и поднялась.

– Спокойной ночи, дочка, – сказала она тихим, обиженным голосом.

²³ Верховный комиссар – представитель одной из стран Содружества в другой стране Содружества.

²⁴ Высший класс! (*игбо*)

²⁵ Нне – ласкательное обращение к женщине.

Оланна долго смотрела на дверь. Недовольство матери не было для нее внове, оно сопровождало почти все ее важные решения: когда Оланна предпочла двухнедельное исключение из школы Хитгроув, отказавшись извиниться перед учительницей за слова, что уроки по Паке Британика²⁶ противоречивы; когда примкнула к студенческому движению за независимость в Ибадане; когда отказалась выйти замуж за сына Игве Окагбуэ, а потом – за сына господина Окаро. И все-таки каждый раз она чувствовала себя виноватой, каждый раз ей хотелось попросить прощения, загладить вину.

Оланна уже засыпала, когда постучала Кайнене.

– Ну? Раздвинешь ноги перед этой слоновьей тушей в обмен на папин контракт? – спросила сестра.

Оланна подпрыгнула от неожиданности. Она уже не помнила, когда Кайнене в последний раз заходила к ней в комнату.

– Папа буквально утащил меня с балкона, чтобы оставить тебя наедине с душкой министром, – продолжала Кайнене. – Интересно, если он тебя не заполучит, будет заключать с папой договор или нет?

– Он не сказал, но, думаю, да. Папа ведь даст ему десять процентов.

– Все дают десять процентов, так что дополнительные услуги не помешают. Не у каждого из конкурентов есть красавица дочка. – Слово «красавица» Кайнене произнесла нараспев, приторным голосом. Она листала номер «Лагос лайф», пояс шелкового халата туго стягивал плоскую фигуру. – В положении дурнушки тоже есть преимущества. По крайней мере, не служишь приманкой.

– Я не приманка.

Кайнене молчала, углубившись в статью. Затем подняла взгляд:

– Ричард тоже едет в Нсукку. Получил грант, будет писать там книгу.

– Вот и хорошо. Значит, ты тоже будешь приезжать в Нсукку?

Кайнене пропустила вопрос мимо ушей.

– Ричард в Нсукке никого не знает. Может, познакомишь его со своим любовником-бунтарем?

Оланна улыбнулась. «С любовником-бунтарем». Чего только не ляпнет Кайнене.

– Ладно.

Оланне не нравился никто из молодых людей, с которыми встречалась Кайнене, не по душе были ей и романы сестры с белыми в Англии. Их плохо скрываемое высокомерие, фальшь в речах выводили из себя. Но когда Кайнене привела на ужин Ричарда Черчилля, Оланна не испытала к нему неприязни. Может быть потому, что в нем не было ни тени обычного английского самомнения – мы, мол, знаем вас, африканцев, лучше, чем вы сами себя. Напротив, его отличала очаровательная скромность, почти застенчивость. Или она прониклась симпатией к Ричарду в пику родителям? Ричард не произвел на них впечатления – у него не оказалось полезных знакомств.

– Ричарду наверняка будет интересно у Оденигбо. По вечерам там что-то вроде политического клуба. Первое время Оденигбо приглашал одних африканцев – в университете и так засилье иностранцев, и он хотел дать африканцам возможность пообщаться друг с другом. Вначале каждый приносил что-то с собой, а теперь все скидываются, каждую неделю он покупает выпивку, все собираются у него и... – Оланна осеклась. Кайнене смотрела на нее жестко, будто сестра, нарушив их негласное правило, принялась болтать о пустяках.

Кайнене направилась к двери, спросив на ходу:

– Когда ты едешь в Кано?

²⁶ Паке Британика – период развития британского империализма начинал с Битвы при Ватерлоо в 1815 г. и до окончания Первой мировой войны.

– Завтра. – Оланне так хотелось, чтобы Кайнене осталась, чтобы села на кровать, обняв подушку, и они болтали и смеялись, как раньше!

– Счастливого пути. Привет тете, дяде и Аризе.

– Передам, – сказала Оланна, но за Кайнене уже закрылась дверь.

Оланна прислушалась к шагам сестры по ковру в коридоре. Только сейчас, когда они вернулись из Англии и снова жили под одной крышей, Оланна осознала, как мало осталось у них общего. Кайнене была замкнутым ребенком, потом угрюмым, подчас язвительным подростком; она не старалась угодить родителям, и Оланне приходилось отдуваться за двоих. И все же они были близки, несмотря ни на что. Их связывала дружба. Когда все переменилось? Ничего страшного между ними не произошло – ни крупной ссоры, ни серьезного недоразумения, – они просто отделились друг от друга, и сейчас именно Кайнене упорно держалась на расстоянии, не позволяя вернуть былую близость.

Оланна решила не лететь в Кано самолетом. Ей нравилось сидеть у окна поезда и смотреть, как проносятся мимо густые леса, тянутся равнины, бредут стада, а следом идут погонщики в расстегнутых рубашках. Добравшись до Кано, Оланна в который раз изумилась, до чего не похож он на Лагос, на Нсукку, на ее родной Умунначи, какие же все-таки разные Север и Юг. Здесь под ногами раскаленный серый песок, а дома, на Юге, – комковатая рыжая земля; деревья здесь ухоженные, не то что буйная зелень Умунначи. Здесь всюду, куда хватает глаз, простирается плоская равнина, сливаясь на горизонте с серебристо-белесым небом.

От вокзала Оланна взяла такси, попросила водителя остановить у рынка и подождать, а сама побежала проведать дядю Мбези.

Она пробиралась вдоль узких рядов, вокруг сновали мальчишки с тяжелыми тюками на головах, торговались женщины, орали разносчики. Из музыкального ларька несея хайлайф; Оланна, чуть замедлив шаг, подпела Бобби Бенсону и заспешила к дядиной палатке, где полки были уставлены ведрами и прочей домашней утварью.

– Омалича! – воскликнул дядя Мбези, увидев ее. «Красавица» – так называл он и Оланну, и ее мать. – Я о тебе вспоминал. Чувствовал, что ты скоро к нам пожуешь.

– Здравствуй, дядя!

Они обнялись, Оланна уткнулась ему в плечо. От него пахло потом, уличным рынком, пылью деревянных полок.

Не верилось, что дядя Мбези и ее мать вместе росли, что они брат и сестра. Мало того что светлокочий дядя

Мбези не блистал красотой, он был еще и насквозь земным. Не оттого ли Оланна так восхищалась им, что он нисколько не походил на мать?

Когда Оланна приезжала погостить, дядя Мбези после ужина всегда усаживался с ней во дворе и делился семейными новостями: незамужняя дочь родственников беременна, и он хочет забрать ее к себе, чтобы спасти от гнева односельчан: здесь, в Кано, умер его племянник, и нужно подешевле переправить тело на родину. Или говорил с ней о политике: что обсуждает сейчас Союз игбо, за что борется, против чего выступает. Собирался Союз игбо у дяди Мбези во дворе. Оланна несколько раз бывала на собраниях, и ей запомнилось одно, когда разгневанные мужчины и женщины говорили о том, что на Севере детей-игбо не принимают в школы. Встал дядя Мбези и топнул ногой. «*Ndi be anyi!*²⁷ Братья мои! Мы сами построим школу! Соберем деньги и построим!» Выслушав его, Оланна вместе со всеми хлопала и кричала: «Правильно, так и сделаем!» – но в глубине души опасалась, что построить школу будет непросто. Пожалуй, легче убедить северян принимать в школы детей-игбо.

²⁷ Земляки! (игбо)

Однако теперь, спустя всего несколько лет, Оланна ехала в такси мимо школы Союза игбо на Эйрпорт-роуд. Шла перемена, и детвора высыпала на школьный двор. Мальчишки играли в футбол сразу несколькими командами на одном поле, и то один, то другой мяч взлетал в воздух – Оланна удивилась, как они не путают мячи. Ближе к шоссе собрались стайками девочки, прыгали то на одной, то на другой ножке и хлопали в такт. Когда такси подъезжало к коммунальному дому в Сабон-Гари²⁸, Оланна еще издали увидела тетю Ифеку у придорожного киоска. Тетя Ифека вытерла руки о линялую накидку, обняла Оланну, отстранилась, чтобы разглядеть ее получше, и снова обняла.

- Наша Оланна!
- Тетушка! *Kedu?*
- Хорошо, а уж тебя-то как рада видеть!
- Аризе еще не пришла со своих курсов кройки и шитья?
- Будет с минуты на минуту.
- Как у нее дела? *O-na agakwa*, все хорошо? Как ее успехи?
- Весь дом завалила выкройками.
- А что у Одинчезо и Экене?
- Они все там же, на прошлой неделе приезжали, спрашивали про тебя.
- Как им живется в Майдугури? Торговля налаживается?
- С голоду не умирают.

Глядя в простое, некрасивое лицо тети Ифеки, Оланна пожалела на миг, что та ей не мать, – но тут же устыдилась этой мысли. Тетя Ифека и так ей почти как мать, ведь это она выкормила их с Кайнене грудью, когда у матери сразу после родов пропало молоко. Правда, Кайнене говорила, что никуда молоко у матери не пропадало, она просто боялась, что грудь отвиснет, и сдала двойняшек невестке, тоже кормившей ребенка.

Сабон-Гари (в переводе с языка хауса «новый город») – кварталы в городах Северной Нигерии, где жили выходцы с Юга.

– Пойдем в дом, *ada anyi*²⁹. – Захлопнув деревянные ставни киоска, где стояли ровными рядами коробки спичек, жевательная резинка, сладости, сигареты, стиральные порошки, тетя Ифека взяла у Оланны сумку и первой направилась во двор.

Дом был приземистый, некрашенный. На веревках висело белье, жесткое, будто иссушенное зноем. Под деревом кука свалены автомобильные покрышки, с которыми играли дети. Оланна знала, что тишине во дворе скоро конец: вот-вот дети вернутся из школы, зазвонят в кухне и на веранде голоса. Семья дяди Мбези занимала две комнаты. В первой, где выдавшие виды диваны на ночь сдвигали, освобождая место для циновок, Оланна достала гостинцы – хлеб, обувь, флакончики крема, – а тетя Ифека стояла в сторонке, спрятав руки за спину, и приговаривала: «Да воздастся тебе добром за добро. Да воздастся».

Через минуту влетела Аризе и, чуть не сбив Оланну, бросилась обнимать.

– Сестренка! Что ж ты не сказала, что приедешь? Мы бы хоть двор подмели почище. Ах, сестренка, *ari amaka gi!*³⁰ Какая ты красивая! Столько всего нужно тебе рассказать!

Кругленькая, с пухлыми руками, Аризе вся тряслась от смеха. Крепко обняв ее, Оланна почувствовала, что все идет как надо, как и должно идти. Для того она и приехала в Кано – за миром и покоем. Тетя Ифека стреляла глазами по двору – присматривала курицу пожирнее. В честь приезда Оланны тетя Ифека каждый раз резала курицу, пусть даже последнюю. Куры важно разгуливали по двору, на боку у каждой красная метка, чтобы отличать их от

²⁸ Сабон-Гари (в переводе с языка хауса «новый город») – кварталы в городах Северной Нигерии, где жили выходцы с Юга.

²⁹ Старшая дочка (*игбо*).

³⁰ Хорошо выглядишь! (*игбо*)

соседских. Оланна давно уже не возражала ни когда тетя Ифека резала для нее курицу, ни когда они с дядей Мбези уступали ей свою кровать, а сами ложились на циновках, рядом с многочисленной родней, постоянно гостившей у них.

Тетя Ифека ловко схватила приглянувшуюся курицу, отдала Аризе, и та пошла на задний двор. Потом они сели у дверей кухни – Аризе ощипывала птицу, тетя Ифека шелушила рис. На кухне соседка варила кукурузу, вода то и дело убегала, и плита шипела. По двору с криками носилась ребятня, поднимая тучи белой пыли. Под деревом кука завязалась драка, и до Оланны донеслось на игбо: «Пошел в жопу!»

На закате, когда солнце окрасило в алый цвет небеса, вернулся дядя Мбези и позвал Оланну поздороваться с его другом Абдулмаликом. Его друга-хауса Оланна однажды уже видела. Он торговал кожаными шлепанцами рядом с палаткой дяди Мбези, и Оланна купила у него несколько пар и привезла в Англию, но поносить так и не довелось – дело было в разгар зимы.

– Наша Оланна только что закончила магистратуру. В Лондонском университете! Это не шутка! – сказал с гордостью дядя Мбези.

– Молодец быть. – Абдулмалик был из тех людей, кто дивится образованию, твердо зная, что им оно недоступно. Он открыл сумку, достал пару шлепанцев и протянул Оланне; узкое лицо его пошло морщинами от улыбки, обнажились зубы, все в желто-коричневых пятнах от табака и ореха кола.

Оланна взяла в руки шлепанцы:

– Спасибо, Абдулмалик. Спасибо.

Абдулмалик указал на спелые длинные стручки на дереве кука:

– Приходи к моя в гости. Мой жена готовить очень вкусный суп из кука.

– Зайду обязательно, в следующий раз, – пообещала Оланна.

Поздравив ее еще раз, Абдулмалик сел с дядей Мбези на веранде, перед ведром сахарного тростника. Они скусывали жесткие зеленые шкурки и жевали сочную белую мякоть, смеясь и болтая на хауса. Жеваную мякоть сплевывали под ноги, в пыль. Оланна посидела с ними немного, но она с трудом разбирала их быструю речь и потеряла нить разговора. Она с радостью променяла бы свой французский и латынь на хауса и йоруба, чтобы говорить бегло, как ее дядя, тетя и сестра.

В кухне Аризе потрошила курицу, а тетя Ифека мыла рис. Оланна примерила подарок Абдулмалика, плетеные красные ремешки делали ступни изящнее, женственнее.

– Красота! – похвалила тетя Ифека. – Надо его отблагодарить.

Оланна села на табурет, стараясь не смотреть на усеявшие стол гладкие черные капсулы – тараканьи яйца. В углу кухни соседка разводила огонь, и, несмотря на косые щели в крыше, вся кухня была в чаду.

– *I takwa*³¹, ее семья питается одной вяленой рыбой. – Аризе, скривив губки, указала на соседку. – Думаю, ее бедные дети отродясь не пробовали мяса.

Оланна бросила взгляд на соседку. Та была иджо и не понимала слов Аризе на игбо.

– Может, они любят вяленую рыбу, – сказала Оланна.

– *O di egwu!*³² Скажешь тоже! Знаешь, какая она дешевая? – Смеясь, Аризе обратилась к соседке: – Ибиба, я похвалила старшей сестре ваш суп – он всегда так вкусно пахнет!

Соседка в этот момент раздувала огонь; она оторвалась от работы и понимающе улыбнулась. Возможно, она все-таки знала игбо, но не обиделась на шутку Аризе. За живой, веселый нрав Аризе все сходило с рук.

³¹ Знаешь (*игбо*).

³² Не может быть! (*игбо*)

– Значит, переезжаешь в Нсукку и выходишь за Оденигбо, сестренка? – спросила Аризе.

– Замуж я пока не собираюсь. Просто хочу быть с ним рядом и очень хочу преподавать. Глаза у Аризе округлились от изумления и восторга.

– Только девушки вроде тебя, сестренка, кто знает книжную премудрость, могут так говорить. А неученым, как я, долго ждать нельзя, не то прождем до самой смерти. – Аризе вынула из курицы полупрозрачное яйцо. – Мне подавай мужа, и побыстрее! Все мои подружки замуж повыходили, одна я осталась.

– Ты еще молоденькая, – возразила Оланна. – Тебе о шитье надо думать, а не о свадьбе.

– От шитья дети не заводятся. Даже если б я смогла поступить учиться, все равно мне хотелось бы ребеночка прямо сейчас.

– Тебе некуда спешить, Ари. – Пересесть бы поближе к двери, к свежему воздуху. Но нехорошо, если тетя Ифека, или Аризе, или даже соседка догадаются, что от дыма у нее щиплет глаза и першит в горле, а от вида тараканьих яиц тошнит. Пусть думают, что ей не привыкать к такой жизни.

– Я точно знаю, вы с Оденигбо поженитесь, сестренка, но если уж говорить правду, не хочу я, чтоб ты выходила за мужчину из Аббы. Они все сплошь уроды, *kai*!³³ Будь Мухаммед игбо, я умерла бы от горя, если б ты за него не пошла. В жизни не видала другого такого красавца!

– Оденигбо не урод. Красота бывает разная, – отозвалась Оланна.

– Так утешали сородичи обезьяну энве: красота бывает разная.

– Мужчины из Аббы – не уроды, – вмешалась тетя Ифека. – Если на то пошло, я сама родом оттуда.

– А родня твоя разве не похожа на ту самую обезьяну? – сказала Аризе.

– Твое полное имя – Аризендиквуннем, так? В тебе течет наша кровь. Значит, и ты похожа на обезьяну, – пробурчала тетя Ифека.

Оланна засмеялась.

– Что ты все о свадьбе да о свадьбе, Ари? Есть кто на примете? Или тебя познакомить с братом Мухаммеда?

– Нет, нет! – Аризе в притворном ужасе замахала руками. – Папа меня убьет, если узнает, что я заглядываюсь на мужчину-хауса.

– Только отцу придется убивать труп – я первая до тебя доберусь. – Тетя Ифека поднялась с миской очищенного риса в руках.

– Есть у меня кое-кто на примете, сестренка. – Аризе придвинулась ближе к Оланны. – Но он меня совсем даже не замечает.

– Что ты там шепчешь? – встрепенулась тетя Ифека.

– Не с тобой разговариваю, а со старшей сестрой, – сказала Аризе, но продолжала уже громче: – Его зовут Ннакванзе, он живет неподалеку, в Огиди. Работает на железной дороге. Но он ничего такого мне не сказал. Может, вовсе и не глядит на меня.

– Если не глядит, значит, у него с глазами плохо, – фыркнула тетя Ифека.

– Вот несносная женщина! Не дает мне спокойно поговорить с сестрой! – Аризе закатила глаза, но по всему было видно, что она довольна и наверняка воспользовалась случаем, чтобы рассказать матери о Ннакванзе.

В ту ночь, лежа на кровати дяди и тети, Оланна смотрела на Аризе сквозь висевшую на веревке тонкую занавеску. Веревка, нетуго натянутая между двумя вбитыми в стену гвоздями, провисала в середине. Оланна пыталась представить, каково было Аризе и ее братьям, Одинчезо и Экене, видеть родителей сквозь занавеску, различать, как движутся бедра отца, а

³³ Выражение удивления (*игбо*).

руки матери сжимают его, слушать звуки, которые дети наверняка принимали за стоны боли. Оланна никогда не слышала, как занимаются сексом ее родители, – ни звука, ни намека. От родителей ее всегда отделяли коридоры, и с каждым новым переездом коридоры делались длиннее, а ковры толще. Когда они въехали в свой нынешний дом с десятью комнатами, отец и мать впервые за все время поселились в разных спальнях. «Мне нужен весь платяной шкаф, а папа пусть приходит в гости!» – пошутила мать, но в ее девическом смехе Оланна уловила фальшивую ноту. Отсюда, из Кано, неискренность отношений родителей казалась ей еще тяжелее и постыдней.

Окно было открыто, в неподвижном ночном воздухе стояла вонь канав позади дома, куда сливали ведра с нечистотами. Вскоре раздались приглушенные голоса золотарей, выгребавших отбросы; под лязг их лопат Оланна и заснула.

Нищие у ворот дома, где жила семья Мухаммеда, не двинулись с места, завидев Оланну, – остались сидеть на земле, прислонясь к глинобитным стенам. Мухи облепили их так густо, что ветхие белые кафтаны казались забрызганными темной краской. Оланна хотела бросить им в миски денег, но передумала. Будь она мужчиной, они бы загалдели, потянулись к ней с мисками, а мухи поднялись бы жужжащей тучей.

Один из привратников узнал Оланну и поспешил открыть ворота:

– Добро пожаловать, мадам.

– Спасибо, Суле. Как поживаете?

– Вы помните, как меня зовут, мадам! – Суле просиял. – Спасибо, мадам. Хорошо, мадам.

– А как ваши родные?

– Хорошо, мадам, хвала Аллаху.

– Хозяин уже вернулся из Америки?

– Да, мадам. Проходите, пожалуйста. Я пошлю за хозяином.

Красная спортивная машина Мухаммеда стояла посреди широкого песчаного двора, но Оланна смотрела не на нее, а на дом: плоская крыша радовала глаз изящной простотой. Оланна села на веранде.

– Вот так сюрприз!

Оланна подняла глаза: перед ней стоял Мухаммед в белом кафтане и улыбался. Губы у него были красивые, чувственные; сколько раз целовала она эти губы в прошлые времена, когда почти каждые выходные ездила к нему в Кано. Она ела руками рис у него дома, смотрела в клубе, как он играет в поло, читала плохие стихи, что он ей посвящал.

– Выглядишь отлично. – Оланна обняла его. – Я не знала точно, вернулся ли ты из Америки.

– Я собирался в Лагос повидать тебя. – Мухаммед отступил, внимательно посмотрел на нее. Его прищур и легкий наклон головы говорили о том, что он все еще питает надежду.

– Я уезжаю в Нсукку.

– Твердо решила податься в науку и выйти за своего лектора?

– О свадьбе пока речи нет. А как Джанет? Или Джейн? Я путаю твоих американских подружек.

Мухаммед поднял бровь. Оланна невольно залюбовалась его лицом, кожей цвета жженого сахара. Она часто шутила, что в их паре он самый красивый.

– Что ты сделала с волосами? – нахмурился Мухаммед. – Тебе совсем не идет. Или твой лектор любит, когда ты похожа на деревенщину?

Оланна тронула свои косички, перевитые толстой черной нитью.

– Это тетя сделала. Мне нравится.

– А мне – нет. Мне больше по вкусу твои парики. – Мухаммед шагнул ближе, но Оланна оттолкнула его руки. – Ты не даешь себя поцеловать.

– Нет, – ответила Оланна, словно он задал вопрос. – А ты не рассказываешь мне про Джанет-Джейн.

– То есть ты уедешь в Нсукку и мы больше не увидимся?

– С чего вдруг? Разумеется, мы будем видеться.

– Слыхал я, что твой лектор – псих, так что ноги моей не будет в Нсукке. – Мухаммед засмеялся. Его высокая стройная фигура, длинные тонкие пальцы – все говорило о хрупкости, утонченности. – Хочешь кока-колы? Или вина?

– Ты держишь в доме спиртное? Вот возьму и пожалуюсь твоему дяде, – поддразнила Оланна.

Вызвав звонком слугу, Мухаммед велел принести напитки.

– Мне кажется порой, что я живу без цели и смысла. Путешествия, импортные машины, от девиц нет отбоя. Но что-то не так, чего-то не хватает. Понимаешь?

Оланна сразу догадалась, к чему он клонит. И все же, услышав продолжение: «Лучше бы все оставалось по-прежнему», она была тронута и польщена.

– Ты еще встретишь хорошую девушку...

– Ерунда, – отрезал Мухаммед.

Сидя с ним рядом, потягивая кока-колу, Оланна вспомнила, как исказилось болью его лицо, когда она сообщила, что уходит от него, поскольку не хочет ему изменять. И как была потрясена, когда Мухаммед ответил: можешь спать с Оденигбо, только не бросай меня! Тот самый Мухаммед, который полусмешно-полусерьезно хвалился, что его предки – воины-мусульмане, воплощенное мужское начало! Вот почему, наверное, ей всегда суждено испытывать к Мухаммеду нежность пополам с эгоистичной благодарностью. Он мог бы сделать их разрыв куда больнее, наказать ее чувством вины.

Оланна отставила бокал:

– Поедем кататься. Обидно, когда приезжаешь в Кано и видишь только Сабон-Гари – сплошь цемент и жесть.

Хочу взглянуть на древнего глиняного истукана, еще раз проехаться вдоль городских стен.

– Ты совсем как белая туристка – таращишь глаза на самые обычные вещи.

– Правда?

– Шучу. Как же ты будешь жить со своим психом-лектором, если шуток не понимаешь? – Мухаммед поднялся. – Зайдем сначала к маме поздороваться.

Проходя через калитку позади дома, а затем через внутренний дворик в крыло, где жила мать Мухаммеда, Оланна вспомнила трепет, с которым когда-то сюда входила. В комнате для гостей все осталось по-прежнему: стены, покрашенные золотой краской, роскошные персидские ковры, потолки с тисненными узорами. Не изменилась и мать Мухаммеда: все то же кольцо в носу и шелковые шарфы на голове. Она выглядела такой ухоженной, что Оланна удивлялась: как не надоест каждый день наряжаться, чтобы сидеть взаперти? Сегодня, однако, пожилая женщина не смотрела на Оланну свысока, не говорила сквозь зубы, не глядела мимо ее лица на резные панели. Она встала и обняла Оланну:

– Ты просто картинка, дорогая. Береги от солнца свою прекрасную кожу.

– *Na gode*³⁴. Спасибо, Хаджия.

Оланна про себя изумилась тому, как некоторые люди умеют управлять чувствами, по своей воле чередовать гнев и милость.

³⁴ Спасибо (*хауса*).

– Я уже не твоя невеста-игбо, которая запятнала бы вам родословную, – сказала Оланна чуть позже, садясь с Мухаммедом в его красный «порше». – Значит, я больше не враг.

– Она знала, что я все равно на тебе женился бы. Ее никто не спрашивал. Но твои родители к перспективе нашего брака относились не лучше. – Мухаммед повернул голову, глянул на Оланну. – Да что теперь об этом говорить!

В глазах его читалась печаль. Или ей почудилось? Ей польстило бы, если бы Мухаммед грустил оттого, что они никогда не поженились. Оланна не пошла бы за него, и все же приятно было помечтать о том, чему не сбыться.

– Прости, – сказала она.

– Не за что извиняться. – Мухаммед взял ее за руку. В машине что-то заскрежетало, когда они выезжали из ворот. – Выхлопная труба забита пылью. Эти автомобили не для здешних мест.

– Купи что-нибудь попрочнее. «Пежо», например.

– Пожалуй, стоило бы.

Оланна смотрела на нищих, толпившихся у стен дворца; мухи облепляли их одежду и миски для милостыни. Терпкий, кисловатый запах листьев мелии наполнял воздух.

– И совсем я не как белая туристка, – тихо сказала Оланна.

Мухаммед скользнул по ней взглядом.

– Нет, конечно. Ты патриотка и скоро станешь женой своего борца за свободу.

Оланне на миг показалось, что за легкой насмешкой Мухаммеда таится издевка. Он по-прежнему не выпускал ее ладони; тяжело, должно быть, вести машину одной рукой.

Оланна переехала в Нсукку ветреным субботним днем, а на другой день Оденигбо отправился на математическую конференцию в Ибаданский университет. Он остался бы дома, не будь конференция посвящена трудам его наставника, чернокожего американского ученого Дэвида Блэкуэлла.

– Он величайший математик из ныне живущих, величайший! – говорил Оденигбо. – Поедем со мной, нкем. Всего на неделю.

Оланна отказалась: она рада была случаю обжиться на новом месте, разобраться в себе. Проводив его, она первым делом выбросила из вазы на большом столе красные и белые пластмассовые цветы.

Угву пришел в ужас:

– Но, мэм! Они еще хорошие.

Оланна повела его в сад, к африканским лилиям и розам, которые Джомо только что полил, и попросила нарезать букет. Показала, до какого уровня наполнить вазу. Угву смотрел на цветы и качал головой, дивясь ее сумасбродству.

– Они же завянут, мэм. А те не вянут.

– Зато эти лучше, *fa makali*³⁵, – возразила Оланна.

– Чем лучше, мэм? – Даже если Оланна обращалась к нему на игбо, Угву всегда отвечал по-английски, будто обижаясь и защищая себя.

– Красивее, и все. – Оказалось, Оланна сама не знала, как объяснить, чем живые цветы лучше искусственных. И она ничуть не удивилась, увидев пластмассовый букет в кухонном шкафчике. Угву его сохранил, как сохранял коробки из-под сахара, бутылочные пробки, даже ямсовые шкурки. Оланна понимала, что ему трудно расставаться с вещами, пусть и бесполезными, оттого что он вырос в нужде. И когда они вместе возились на кухне, она завела разговор о том, что хранить нужно только полезное – надеясь, что Угву не спросит, какая польза от живых цветов. Она велела Угву прибрать в кладовой и разложить по полкам старые газеты, и пока Угву работал, расспрашивала его о родных. Правда, по его рассказу предста-

³⁵ Красивее (*игбо*).

вить их было трудно, от бедности словаря Угву всех описывал одинаково: «очень хорошие». Оланна пошла с ним на рынок и, сделав все покупки для хозяйства, купила ему расческу и рубашку. Научила его жарить рис с зеленым перцем и кубиками моркови, объяснила, что не надо разваривать бобы в кашу, что нужно лить на сковородку поменьше масла и не жалеть соли. Оланна в первую встречу заметила, что от него пахнет потом, но выждала несколько дней, прежде чем подарить ему душистый порошок для подмышек. А еще посоветовала наливать в ванну немного антисептического геля. Понюхав порошок, Угву просиял от удовольствия – надо надеяться, не догадался, что это женский аромат. Она пыталась понять, как Угву к ней относится. Мальчик явно к ней привязался, но смотрел оценивающе, будто сравнивал с неким эталоном, и Оланна боялась, что недотягивает.

Угву заговорил с ней на игбо, когда она перевешивала фотокарточки на стене. Из-за деревянной рамки с выпускной фотографией Оденигбо выскочил gekkon, и Угву крикнул:

– *Egbukwala*, не убивайте его!

– Что? – Оланна, стоя на стуле, посмотрела на Угву сверху вниз.

– Если его убить, живот заболит, – объяснил Угву. Говор его показался Оланне забавным – он будто сплевывал слова.

– Никто его убивать не собирается. Давай перевесим фотографию на ту стену.

– Да, мэм, – отозвался Угву и стал рассказывать на игбо, как его сестра Анулика убила gekkona, а потом у нее страшно разболелся живот.

К приезду Оденигбо Оланна чувствовала себя в доме почти хозяйкой. Оденигбо пригнул ее к себе, поцеловал, стиснул в объятиях.

– Сначала поешь, – сказала Оланна.

– Я знаю, кого бы я сейчас съел.

Оланна рассмеялась. Она была счастлива до нелепости.

– В чем дело? – Оденигбо обвел взглядом комнату. – Что это за книги на этой полке?

– Твои старые книги во второй спальне. Мне понадобилось место для моих книг.

– Неужели? Значит, ты и вправду перебралась ко мне? – Оденигбо смеялся.

– Иди искупайся.

– А почему друг мой пахнет цветами?

– Я дала ему душистый тальк. Ты замечал, что от него разит потом?

– Это запах деревенского жителя. И от меня так пахло, пока я не уехал из Аббы и не пошел в школу. Да тебе-то откуда об этом знать?

Говорил он нежно, чуть насмешливо, но руки вовсе не были нежны. Они расстегивали ей блузку, освобождали грудь из чашечек лифчика. Оланна не знала, сколько прошло времени, но, когда постучал Угву и объявил, что у них гости, она лежала нагая и теплая в объятиях Оденигбо.

– Пусть уйдут, – пробормотала Оланна.

– Вставай, нкем, – тормозил ее Оденигбо. – Мне так не терпится вас познакомиться!

– Еще чуть-чуть! – Оланна пробежала пальцами по курчавым волосам на его груди, но он чмокнул ее, поднялся и стал искать белье.

Оланна нехотя оделась и вышла в гостиную.

– Друзья мои, друзья! – Оденигбо сделал широкий жест: – А вот и та самая Оланна!

Женщина, которая настраивала радиолу, обернулась и взяла Оланну за руку.

– Приятно познакомиться, – сказала она. На голове у нее красовался ярко-оранжевый тюрбан.

– Взаимно, – улыбнулась Оланна. – Вы, должно быть, Лара Адебайо?

– Верно, – кивнула мисс Адебайо. – Оденигбо нам не сказал, что вы неразумно хороши собой.

Оланна запнулась в секундном замешательстве.

– Сочту за похвалу.

– Какой правильный английский, – пробормотала мисс Адебайо с сочувственной улыбкой и вернулась к радиоле. Подтянутая, с прямой спиной, которая в жестком оранжевом платье с набивным рисунком казалась еще прямее, она явно привыкла задавать вопросы, а не отвечать на них.

– Океома, – представился мужчина с нечесаной шевелюрой. – Я думал, подружка Оденигбо – обычная смертная, он не предупредил, что вы русалка.

Оланна засмеялась, а в душе была благодарна Океоме за теплоту в голосе и за то, как он удержал ее руку в своей чуть дольше, чем положено. Доктор Патель смущенно проговорил: «Очень приятно с вами познакомиться». Профессор Эзека пожал ей руку, но, услышав, что диплом у нее по социологии, а не по одной из «серьезных» наук, пренебрежительно кивнул.

Угву подал напитки. Глядя, как Оденигбо подносит к губам бокал с бренди, Оланна невольно представила, как эти губы совсем недавно сжимали ее сосок, и сладкая боль пронзила ее тысячей иголок. Скорей бы гости разошлись...

– Как известно, великий мыслитель Гегель назвал Африку страной детства человечества, – напыщенно сообщил профессор Эзека.

– В таком случае таблички «Детям и черным вход воспрещен» в кинотеатрах Момбаса развешивали почитатели Гегеля, – хохотнул доктор Патель.

– К Гегелю нельзя относиться серьезно. Вы вчитайтесь в него, он весьма и весьма забавен. Однако и Юм, и Вольтер, и Локк воспринимали Африку точно так же, – сказал Оденигбо. – Понимание величия зависит от того, откуда ты родом. Вот когда у израильтян спросили их мнение о деле Эйхмана³⁶, один ответил, что не понимает, как мог кто-то считать нацистов великими. Но ведь кто-то же считал, разве нет? И до сих пор считают! Люди не осознают, что если бы Европа всерьез воспринимала Африку, то не было бы Холокоста. А значит, не было бы и Второй мировой!

– То есть как? – не поняла мисс Адебайо, поднеся к губам бокал.

– Да это же очевидно. Все началось с гереро³⁷. – Оденигбо говорил все громче, а Оланна вспоминала, как совсем недавно они расшумелись в его спальне и как он потом смеялся: «Если мы будем так шуметь и ночью, разбудим беднягу Угву».

– Опять ты за старое, Оденигбо, – сказала мисс Адебайо. – По-твоему, если бы белые не истребили гереро, не было бы и Холокоста? Не вижу связи.

– А связь налицо! Изучение рас белые начали с гереро, а закончили евреями. Вот вам и связь!

– Твой довод яйца выеденного не стоит, и вообще ты софист. – Мисс Адебайо с презрительным видом осушила бокал.

– Но от Второй мировой была и своя польза, нет худа без добра, как говорится, – вставил Океома. – Мой дядя, брат отца, сражался в Бирме и вернулся мучимый одним-единственным вопросом: почему ему никто раньше не сказал, что белый человек не бессмертен?

Последовал дружный хохот. Казалось, будто один и тот же разговор повторялся на разные лады уже в тысячный раз и все знали, когда смеяться. Смеялась и Оланна, но ей почудилось, что смех ее на фоне остальных звучал по-иному, резче.

³⁶ Карл Адольф Эйхман (1906–1962) – немецко-фашистский военный преступник, непосредственно ответственный за уничтожение миллионов евреев. В 1960 г. схвачен агентами израильской разведки, на процессе в Иерусалиме приговорен к смертной казни.

³⁷ Гереро – народ, живущий в основном в Намибии, а также в Ботсване и Анголе. В 1904–1907 гг. немецкими войсками уничтожено около 65 000 человек (80 %) из племени гереро.

Прошло недели три. Оланна начала вести курс «Введение в социологию», вступила в университетский клуб, играла с другими преподавателями в теннис, подвозила Угву до рынка, гуляла с Оденигбо, записалась в благотворительное общество при церкви Святого Петра и понемногу начала привыкать к друзьям Оденигбо. Тот со смехом уверял, что Океома и Патель влюблены в нее по уши – Океома охотно читал свои стихи, где богини будто списаны с нее, а доктор Патель так и сыпал историями из своей жизни в Макерере, где он представлялся благородным рыцарем науки.

Доктор Патель ей нравился, но особенно симпатичен был Океома – его нечесанные патлы, жеваная одежда и пылкие стихи. К тому же она сразу заметила, что Оденигбо неизменно прислушивался к суждениям Океомы, называя их «голосом поколения». Ей непонятен был профессор Эзека с надменной хрипотцой в голосе и молчаливой уверенностью в своей правоте. Настораживала ее и мисс Адебайо. Было бы проще, если бы та ревновала, но мисс Адебайо, похоже, не считала Оланну достойной соперницей: держит себя не как ученая дама, слишком уж хорошенькая, а английское произношение точь-в-точь как у угнетателей. Оланна ловила себя на том, что при мисс Адебайо больше говорит, отчаянно пытаясь выдать что-нибудь умное: что Нкрума³⁸ стремится заправлять всей Африкой; что со стороны США несправедливо требовать убрать советские ракеты с Кубы, когда в Турции находятся их собственные; что Шарпвилль – лишь вопиющий пример из жизни Южной Африки, где каждый день гибнут сотни черных. При этом Оланна отдавала себе отчет, что ее суждения не блещут новизной, и подозревала, что мисс Адебайо это известно, ведь стоило Оланне вступить в разговор, как мисс Адебайо тянулась за журналом, подливала себе в бокал бренди или выходила в туалет. В конце концов Оланна сдалась. Наверняка мисс Адебайо догадывалась о ее неуверенности, страхах. Но не каждый способен, глядя вам в глаза, хладнокровно сказать, что вы «неразумно хороши собой».

И все-таки, нежась в объятиях Оденигбо, Оланна всякий раз думала, что здесь, в Нсукке, ей живется как в мягком пуху – даже в дни, когда Оденигбо часами не выходит из кабинета. На его предложения пожениться она неизменно отвечала отказом. Слишком уж они счастливы, такое счастье легко спугнуть.

³⁸ Кваме Нкрума (1909–1972) – президент Ганы, сторонник panaфриканизма.

3

Ричард в основном помалкивал на вечеринках, куда приводила его Сьюзен. Она каждый раз представляла его писателем, и Ричард надеялся при гостях сойти за молчуна, как писателю и подобает, но в душе боялся, что его видят насквозь и знают, что он просто-напросто чувствует себя чужаком в их компании. Все, однако, были с ним любезны – ради Сьюзен с ее остроумиями, смехом, блеском зеленых глаз и покрасневшимся от вина личиком.

Ричард сносил все безропотно: стоял в сторонке и ждал, когда Сьюзен соберется домой; не огорчался, что никто из ее друзей не пытается с ним сблизиться; не обиделся он, даже когда опухшая пьяная женщина назвала его «красавчиком нашей Сьюзен». Но его вовсе не радовали вечеринки «только для белых», где Сьюзен выпроваживала его «в мужскую компанию», а сама вливалась в кружок женщин делиться впечатлениями о Нигерии. С мужчинами Ричарду было неуютно. Почти все были англичане – бывшие чиновники из колоний и дельцы из «Кингсвей», «Бритиш Петролеум» и «Юнайтед Африка», багровые от солнца и виски. Они с ухмылками заявляли, что нигерийская политика – сплошь первобытная дикость и «эти ребята» не готовы управлять страной. Обсуждали крикет, плантации, которые уже купили или собирались приобрести, прекрасную погоду в Джосе и выгодные сделки в Кадуне. Ричард обмолвился, что интересуется искусством Игбо-Укву, – ему ответили, что оно пока не пользуется спросом, и Ричард не стал объяснять, что для него не деньги главное, а красота. Он сказал, что недавно приехал в Лагос и хочет написать книгу о Нигерии, – в ответ заулыбались и надавали советов: здешние жители – попрошайки, готовьтесь к тому, что от них воняет, что они будут стоять на дорогах и глазеть на вас, не верьте жалобам на тяжелую жизнь, прислугу держите в строгости. О национальном характере африканцев ходили анекдоты. Ричарду запомнилась история о наглом африканце: негр гуляет с собакой; мимо идет англичанин и спрашивает: «Что ты делаешь рядом с этой обезьяной?» Негр отвечает: «Это не обезьяна, а собака», будто англичанин обращался к нему!

Ричард смеялся шуткам, во время разговоров пытался не витать в облаках, не выдавать смущения. Он предпочитал общество женщин, хотя старался надолго не оставаться наедине с кем-то из них – иначе дома ждал скандал с битьем посуды. Когда такое произошло в первый раз, Ричард не знал, что и думать. Он расспрашивал Кловис Бэнкрофт о ее брате, много лет назад служившем окружным комиссаром в Энугу, а потом, когда шофер вез их домой, Сьюзен за всю дорогу не сказала ни слова. Ричард решил, что она задремала, оттого и не ругает ничьи наряды и пресные закуски. Но Сьюзен, едва переступив порог дома, схватила с тумбочки бокал и швырнула в стену: «С этой пигалицей, Ричард, да еще у меня на глазах! Какая мерзость!» И просидела на диване, закрыв лицо руками, пока Ричард не попросил прощения, так и не уяснив, в чем провинился.

Второй бокал был разбит спустя недели две. Ричард общался с Джулией Марч, речь в основном шла о ее научной работе о правителях Ашанти в Гане. Он внимательно слушал, пока Сьюзен не оттащила его за руку. Дома, после звона осколков, она сказала: «Понимаю, ты не заигрывал, но имей в виду, люди могут не то подумать, а злые языки здесь – ужас, просто ужас!» Ричард снова извинился, гадая про себя, что подумали слуги, убиравшие осколки.

На одном из ужинов он беседовал о культуре Нок с преподавательницей университета, тихой женщиной-йоруба, такой же чужой здесь, как и он. Ричард ждал от Сьюзен вспышки и приготовился извиниться, не доходя до гостиной, чтобы спасти бокал. Но Сьюзен по дороге домой щебетала без умолку: спросила, хорошо ли они поговорили и почерпнул ли он что-нибудь полезное для своей книги. Дело в том, догадался Ричард, что чернокожих женщин она не воспринимает как равных, не видит в них достойных соперниц.

По мнению тети Элизабет, Сьюзен весела и обаятельна и не беда, что она чуть старше его, зато давно живет в Нигерии и покажет ему страну. Ричарду не нужно было показывать страну, он не в первый раз за границей и до сих пор прекрасно обходился без провожатых. Но тетя Элизабет настаивала: Африка – это вам не Аргентина и не Индия. При слове «Африка» голос ее дрогнул. Возможно, она просто не хотела его отпускать – оставался бы лучше в Лондоне и продолжал писать статейки для «Ньюс кроникл». Вряд ли кто-то читал его крошечную колонку, хотя тетя Элизабет и уверяла, что все ее друзья читают. Немудрено, что она так говорила, ведь редактор – ее старый приятель, без ее протекции Ричард не устроился бы на это теплое местечко.

Ричард не стал объяснять тете Элизабет, почему он мечтает увидеть Нигерию, а предложение Сьюзен показать ему страну все-таки принял. Когда он приехал в Лагос, в глаза бросилась живость Сьюзен, ее красота, преувеличенное внимание к нему, то, как она касалась его руки, когда смеялась. О Нигерии и нигерийцах она рассуждала с видом знатока. Проезжая с Ричардом мимо шумных рынков, где из палаток гремела музыка, мимо придорожных киосков, мимо канав с затхлой водой, Сьюзен повторяла: «Энергия в них ключом бьет, но чистоплотности никакой». Сьюзен рассказывала, что северные хауса – народ серьезный, игбо угрюмые и прижимистые, а йоруба – славные ребята, хоть и подхалимы каких поискать. Субботними вечерами, указывая на пестрые толпы людей, танцующих посреди улиц возле ярко освещенных куполов, Сьюзен бурчала: «Вот вам пожалуйста. Йоруба залезают по уши в долги, чтобы устраивать пирушки».

Сьюзен подыскала Ричарду квартиру, помогла купить дешевую машину и получить права, водила его по музеям в Лагосе и Ибадане. «Познакомлю тебя со всеми моими друзьями», – обещала она. На первых порах, когда Сьюзен представляла его писателем, Ричарда тянуло поправить: не писатель, а журналист. Но ведь он и вправду писатель – во всяком случае, уверен, что рожден художником слова, творцом. Журналистика – лишь временное прибежище, способ заработать на хлеб, пока он не создаст великий роман.

И Ричард позволил Сьюзен называть его писателем. Благодаря этому друзья Сьюзен терпели его общество, а профессор Николас Грин предложил подать заявку на исследовательский грант в Нсукке, где он мог бы работать над книгой в научной среде. Ричард так и сделал – не только ради того, чтобы писать в стенах университета, но и чтобы попасть на Юго-Восток, родину искусства Игбо-Укву, страну оплетенного сосуда несказанной красоты. Ведь именно это и привело его в Нигерию.

Спустя несколько месяцев Сьюзен предложила перебраться к ней: у нее большой дом в Икойи, чудный сад, да и работать Ричарду будет куда удобнее, чем на съемной квартире с цементными полами, где хозяин ворчит, что Ричард допоздна засиживается и жжет свет. Ричард подумывал ей отказать, он мечтал поехать по стране, пока ждал ответа из Нсукки, но Сьюзен уже заново отделала для него свой просторный кабинет, и Ричард переехал. День за днем сидел он в кожаном кресле над книгами и статьями, смотрел в окно, как садовники поливают газон, и писал – точнее, стучал на машинке. Сьюзен старалась его не беспокоить, лишь иногда заглядывала и предлагала шепотом: «Чашечку чая? Воды? Принести перекусить?» Ричард отвечал тоже шепотом, словно и его занятия, и сама комната стали священны. Он не признавался Сьюзен, что не написал пока ничего достойного внимания, что мысли, бродившие в его голове, еще не вызрели, не обрели законченности, что нет пока ни единого замысла, ни сюжета, ни героев. Он боялся ее расстроить, ведь его писательство стало ее главным увлечением, и, что ни день, она приносила домой книги и журналы из библиотеки Британского совета. Задуманная им книга представлялась ей готовой – словно ему оставалось лишь сесть и изложить мысли на бумаге. Между тем сам Ричард даже не знал пока, о чем хочет написать. Однако он был признателен Сьюзен, как будто ее вера делала из него писателя, и в благодарность ходил на ненавистные светские приемы. Побывав на нескольких,

он решил, что мало присутствовать, надо проявлять остроумие. Всего одна удачная шутка при знакомстве искупила бы его молчание, а главное, порадовала бы Сьюзен. Ричард стал репетировать перед зеркалом – придавал лицу дурацкое выражение и говорил с запинками. «Ричард Черчилль», – представит его Сьюзен, а он пожмет новому знакомому руку и усмехнется: «Сэру Уинстону не родня – иначе был бы чуточку умнее».

Друзья Сьюзен смеялись шутке, но, как казалось Ричарду, больше из жалости за его неловкую попытку сострить. Однако никто не сказал с сарказмом: «С ума сойти, какое остроумие», как Кайнене в день их знакомства в зале отеля «Федерал Палас». Во рту она держала сигарету и пускала безупречно правильные колечки дыма. Она стояла в одном кружке с Ричардом и Сьюзен, и Ричард сначала принял ее за любовницу какого-нибудь политика. Знакомясь с людьми, он пытался отгадать, что привело сюда каждого из них, кто чей спутник. Наверное, причина в том, что без Сьюзен дорога на светские приемы была бы для него закрыта. Ричард не предполагал, что Кайнене здесь присутствует по праву рождения, поскольку она дочь нигерийского богача, в ней не было ни тени напускной томности, она больше походила на любовницу высокопоставленного лица: ярко-красная помада, платье в обтяжку, сигарета. Но она не улыбалась фальшиво и не отличалась миловидностью, заставлявшей Ричарда верить слухам, что нигерийские политики обмениваются женщинами. Более того, она вообще не была хороша собой. Ричард этого не заметил, пока не посмотрел на нее снова, когда кто-то из друзей Сьюзен представил их друг другу. «Это Кайнене Озобиа, дочь господина Озобиа. Кайнене только что окончила магистратуру в Лондоне. Кайнене, это Сьюзен Гренвилл-Питтс из Британского совета, а это Ричард Черчилль».

– Очень приятно, – сказала Сьюзен и заговорила с кем-то из гостей.

– Очень приятно, – сказал Ричард. Кайнене молчала, держа во рту сигарету и глядя на него в упор, и Ричард, взъерошив волосы, промямлил: – Сэру Уинстону я не родня, а то был бы чуточку умнее.

Кайнене, выпустив дымок, процедила:

– С ума сойти, какое остроумие.

Худощавая и высокая, почти с него ростом, она смотрела ему прямо в глаза холодным неподвижным взглядом. Кожа ее была темной, как бельгийский шоколад. Ричард расставил ноги, чтобы тверже стоять на земле, – еще немного, и он пошатнулся бы, лоб в лоб столкнувшись с ней.

Вернулась Сьюзен, потянула его за рукав, но Ричард не хотел уходить.

– У нас с Кайнене нашелся в Лондоне общий знакомый. Я, кажется, рассказывал тебе про Уилфреда из «Спектейтор»?

– Вот и славно! – улыбнулась Сьюзен. – Ну, болтайте, а я скоро.

Сьюзен расцеловалась с какой-то четой старичков и поспешила к кучке гостей в другом конце зала.

– Вы наврали жене, – констатировала Кайнене.

– Она мне не жена.

Ричард не предполагал, что от близости этой девушки у него пойдет кругом голова. Кайнене подносила к губам бокал, затягивалась и выдыхала дым. Серебристый пепел, кружась, опускался на пол. Все вокруг как в замедленной киносъемке: гостиничный зал расширялся и сжимался, и казалось, никого нет вокруг, лишь он и Кайнене.

– Вы не могли бы отойти? – попросила Кайнене.

Ричард опешил:

– Что?

– За вашей спиной стоит фотограф, рвется снять меня, а точнее – мое ожерелье.

Ричард шагнул в сторону, не отрывая глаз от Кайнене. Глядя в объектив, она не позировала, но держалась непринужденно – видно, привыкла к вниманию.

– Ожерелье украсит завтрашний выпуск «Лагос лайф». Так я и приношу пользу нашему молодому государству – указываю соотечественникам, к чему стремиться, ради чего работать. – Кайнене снова встала с ним рядом.

– Красивая вещь, – соврал Ричард: ожерелье было слишком броским. Почему-то хотелось протянуть руку и потрогать его, снять с ее шеи и снова вернуть туда, где выступали острые ключицы.

– Скажете тоже. Отец ничего не смыслит в украшениях, – возразила Кайнене. – Но деньги его, вправе тратить как пожелает. Кстати, меня ищут родители и сестра. Надо идти.

– Ваша сестра тоже здесь? – выпалил Ричард, чтобы задержать ее хоть ненадолго.

– Да. Мы двойняшки... – Кайнене примолкла, будто проговорила и выдала тайну. – Кайнене и Оланна. Ее имя возвышенное, означает «Золото Бога». Мое более земное – «Посмотрим, что готовит нам Бог».

Кайнене улыбнулась насмешливо, уголком рта, и Ричарду почудилось за ее улыбкой что-то еще – быть может, разочарование. Он не знал, что ответить, чувствовал, что упускает время.

– Кто из вас старше? – спросил он.

– Кто старше? Вот это вопросец. – Кайнене вскинула брови. – Говорят, я вылезла первой.

Ричард изо всех сил сжимал бокал – еще чуть-чуть, и стекло лопнуло бы.

– А вот и сестра, – сказала Кайнене. – Вас представить? Все мечтают с ней познакомиться.

Ричард даже не обернулся.

– Давайте лучше еще поговорим, – ответил он, неловко запуская пальцы в волосы. – Если вы, конечно, не против.

– А вы застенчивый, – сказала Кайнене.

– Застенчивый – мягко сказано.

Кайнене улыбнулась его словам как удачной шутке, и Ричард рад был, что все-таки сумел вызвать у нее улыбку.

– Бывали хоть раз на рынке в Балогуне? – спросила она. – На прилавках разложены куски мяса, и все их щупают, мнут, выбирая лучший. Мы с сестрой – мясо. Мы здесь для того, чтобы подходящие женихи сделали выбор.

– Вот как... – вздохнул Ричард. Ее слова прозвучали откровенным признанием, несмотря на прежний сухой, насмешливый тон, очевидно присущий ей. Ричарду очень хотелось рассказать что-нибудь и о себе, поделиться крупницей сокровенного.

– А вот и ваша отвергнутая жена, – пробормотала Кайнене.

Подошла Сьюзен, сунула ему в руку бокал:

– Держи, милый. – И обратилась к Кайнене: – Очень приятно с вами познакомиться!

– Взаимно. – Кайнене подняла бокал.

Сьюзен увела Ричарда в сторону.

– Это ведь дочь господина Озобиа? В кого она такая уродилась? Бывают же чудеса на свете: мать ее красавица, просто красавица. У господина Озобиа в руках пол-Лагоса, но есть в нем что-то до ужаса вульгарное. Видишь ли, и он, и его жена почти без образования. Может, оттого он такой пошлый.

Обычно Ричарду нравилось слушать Сьюзен, но на этот раз ее шепот над ухом раздражал. Шампанского не хотелось. Ногти Сьюзен больно впивались в руку. Сьюзен подвела его к кучке эмигрантов и остановилась поболтать; она была навеселе и громко хохотала. Ричард искал глазами Кайнене.

Вначале красного платья нигде не было видно, и вдруг он заметил Кайнене рядом с мужчиной – наверняка отцом. Господин Озобиа в расшитой синей агбаде, ниспадавшей

складками, выглядел внушительно, речь сопровождал широкими жестами. Госпожа Озобиа на его фоне казалась совсем крохотной; она была в покрывале и тюрбане из той же синей ткани. Ричарда поразили ее глаза, широко расставленные, миндалевидные, и лицо безупречной красоты. С трудом верилось, что Кайнене – дочь этой женщины, а Оланна – ее сестра-двойняшка. Оланна пошла в мать, но в красоте ее было больше тепла: мягкие черты, приветливая улыбка, округлые линии под черным платьем. Африканская фигура, сказала бы Сьюзен. Рядом с сестрой Кайнене казалась едва ли не тощей, почти бесполой, длинное платье в обтяжку подчеркивало мальчишеские бедра. Ричард долго не отводил от нее взгляда, надеясь, что она тоже ищет его. Она держалась особняком, поглядывая на стоявших рядом то безразлично, то насмешливо. Наконец посмотрела на него, наклонила голову, подняла брови, будто давно догадалась, что он следит за ней. Ричард отвел глаза. Потом снова метнул на нее взгляд, на сей раз твердо решив улыбнуться, подать знак, но она уже повернулась спиной. Ричард смотрел на нее, пока она не ушла вместе с родителями и сестрой.

Увидев фотографию в свежем номере «Лагос лайф», Ричард в порыве вдохновения написал несколько страниц – словесные портреты высокой женщины с кожей цвета эбенового дерева и лишь намеком на грудь. В библиотеке Британского совета он нашел в деловых журналах информацию о ее отце. Выписал из справочника все четыре телефона Озобиа. Раз за разом брал он трубку и бросал, услышав голос телефонистки. Он репетировал перед зеркалом слова и даже жесты, раздумывая, не послать ли ей визитку или корзину фруктов, наконец позвонил. Кайнене как будто и не удивилась его звонку. Или ему просто так показалось – слишком уж ровным был ее голос, когда его сердце стучало молотом.

– Может, встретимся где-нибудь, выпьем по стаканчику? – предложил он.

– Хорошо. Скажем, в двенадцать дня в отеле «Зобис». Это папина гостиница, я могу заказать для нас номер.

– Да-да, отлично!

Потрясенный, Ричард повесил трубку. Он не знал, радоваться ли ему? «Заказать номер» – это намек? Когда они встретились в холле гостиницы, Кайнене подставила щеку для поцелуя и повела Ричарда наверх, на террасу. Они устроились лицом к пальмам у бассейна. День был солнечный, яркий, пальмы раскачивались на ветру. Ричард надеялся, что ветер не растреплет ему волосы, а тень от зонта скроет уродливые красные пятна, что появлялись у него на щеках от яркого солнца.

– Отсюда, – Кайнене указала подбородком, – видна Хитгроув. Немыслимо дорогая и закрытая британская школа, где мы с сестрой учились. Отец считал, что за границу отправлять нас рано, но хотел придать нам европейский лоск.

– Здание с башней?

– Да. Школа небольшая, всего два корпуса. Нас там было мало. Засекреченное заведение, многие нигерийцы не подозревают о ее существовании. – Кайнене помолчала, разглядывая свой бокал. – Есть братья-сестры?

– Нет. Я единственный сын. В девять лет остался сиротой.

– В девять. Так рано.

Ричард был рад, не увидев на лице Кайнене фальшивого сочувствия, как у некоторых. Обычно люди делали горестное лицо, и можно было подумать, что они лично знали его родителей и скорбели.

– Их часто не было дома. Растила меня няня Молли. После смерти родителей меня отправили к тете в Лондон. – Ричард помолчал, с теплым чувством принимая зачатки близости, что рождается, когда говоришь о себе. Говорить о себе ему приходилось нечасто. – Мои двоюродные брат и сестра, Мартин и Вирджиния, были мне почти ровесники, но не по

годам развитые, тетя Элизабет – важная дама, а я – деревенский мальчишка из Шропшира. Едва я к ним попал, сразу стал замышлять побег.

– И убежал?

– Много раз. Меня всегда ловили. Иногда совсем рядом с домом.

– Куда ты убегал?

– Что?

– Куда убегал?

Ричард задумался. Он убегал из дома, где над ним нависали портреты давно умерших людей. Но куда бежал, сам не знал.

– Может быть, к Молли. Не знаю.

– А я знала, куда хочу убежать. Но такого места на свете нет, вот я и оставалась дома. – Кайнене откинулась в кресле.

– Как это?

Кайнене закурила, будто не услышав вопроса. Всякий раз, когда она замолкала надолго, Ричард чувствовал беспомощность. Он хотел рассказать Кайнене про оплетенный сосуд. Ричард уже не помнил, откуда узнал о культуре Игбо-Укву, о том, как один местный житель рыл колодец и нашел бронзовое литье девятого века – возможно, самое раннее в Африке. Когда в «Колониз мэгэзин» Ричард впервые увидел снимки, он провел пальцем по странице, мечтая точно так же коснуться изящно отлитой бронзы. Он хотел поделиться с Кайнене своим восторгом, но удержался. Еще не время. Как ни странно, эта мысль согревала его: он понял, что самое драгоценное сейчас для них с Кайнене – время.

– В Нигерию ты тоже сбежал? – спросила Кайнене.

Ричард покачал головой:

– Нет. Я по натуре одиночка и всегда мечтал попасть в Африку. Оставил скромную должность в газете, одолжил у тети кругленькую сумму – и вот я здесь.

– На одиночку ты не похож.

– Почему?

– Ты красавчик. А красивые обычно любят общество, – ответила она сдержанно, без намека на похвалу, – и Ричард понадеялся, что она не заметила краски на его щеках.

– Я исключение из правил, – брякнул он первое, что пришло в голову. – Таким уж уродился.

– Одиночка и современный первооткрыватель Черного континента, – сказала Кайнене сухо.

Ричард засмеялся. Смех вырвался у него невольно, и, глянув вниз, в яркую синеву бассейна, он в порыве радости подумал, что синий – цвет надежды.

Встретились они и на другой день, и на третий. Кайнене вела его в номер, они садились на балконе, ели рис, пили холодное пиво. При каждом глотке Кайнене касалась края бокала кончиком розового языка. Это волновало Ричарда – тем сильнее, что Кайнене не отдавала отчета в своем жесте. Временами она погружалась в раздумье, но даже в такие минуты Ричард чувствовал в ней родную душу. Может быть, как раз из-за ее сдержанности и замкнутости. Никогда и ни с кем он не бывал так откровенен, а когда Кайнене вставала, чтобы бежать к отцу на заседание, ноги у Ричарда будто наливались свинцом. Не хотелось уходить, невыносимо было возвращаться к Сьюзен, сидеть в ее кабинете за пишущей машинкой и ждать, когда она стукнет в дверь. Ричард удивлялся, что Сьюзен ничего не заподозрила, ведь с первого взгляда можно понять, как он переменялся, а она не замечает даже, что он льет на себя больше лосьона после бритья. По сути, он ей не изменил, но измена не всегда подразумевает постель. Смеяться вместе с Кайнене, рассказывать ей о тете Элизабет, смотреть, как Кайнене курит, – измена, ведь он чувствует себя предателем. Его бешеный пульс, когда

Кайнене целует его на прощанье, – измена. Сжимать ее руку, сидя за столом, – измена... Ричард опешил от неожиданности, когда однажды Кайнене вместо обычного прощального поцелуя в щеку прижалась раскрытыми губами к его губам. Он не позволял себе питать надежды. Оттого-то, наверное, у него ничего не вышло: смесь изумления и желания выхолостила его. Оба быстро сбросили одежду, нагие тела были сплетены, но он ничего не чувствовал. Он поглаживал ее острые ключицы, худые бедра, мечтая, чтобы тело и разум стали заодно, чтобы желание пересилило страх, но... увы.

Кайнене села на постели и закурила.

– Прости, – сказал Ричард и, когда она вместо ответа лишь передернула плечами, пожалел, что извинился. Она застегивала лифчик, а Ричард натягивал брюки, которые зря снимал, и в показной роскоши номера ему чудилось что-то зловещее. Он ждал от Кайнене хоть слова. – Встретимся завтра? – спросил он.

Кайнене выпустила дым через нос, проследила, как он тает в воздухе, и сказала:

– Вот досада.

– Встретимся завтра? – повторил Ричард.

– Я уезжаю с отцом в Порт-Харкорт, на переговоры с нефтепромышленниками. А вернусь в среду, во второй половине дня. Пообедаем вместе?

– Да, – выдохнул Ричард и потом, до того самого дня, когда Кайнене встретила его в холле гостиницы, боялся, что она передумает.

Они пообедали, глядя на пловцов в бассейне. На этот раз Кайнене была оживленнее обычного, больше курила, больше говорила. Рассказывала, с какими людьми вынуждена встречаться, работая с отцом, – все на одно лицо. «Новая нигерийская верхушка – сборище невежд: ничего не читают, едят непривычные и нелюбимые блюда в дорогих ливанских ресторанах и ведут светские беседы о своих новых машинах». Она смеялась, прикасалась к его руке, но в номер не позвала – то ли не хотела торопить события, то ли решила, что лучше им быть просто друзьями. А Ричард не находил в себе сил для решительных действий.

Лишь через несколько дней Кайнене спросила, не хочет ли он пойти в номер, и Ричард почувствовал себя дублером, который мечтает заменить основного актера, а когда мечта сбывается, робеет перед огнями рамп и понимает, что не готов выступать. Кайнене зашла первой, поманила его. Когда Ричард взялся за ее платье, чтобы снять, Кайнене мягко отстранила его, угадав, что за его поспешностью прячется страх. Она повесила платье на стул. Ричард так боялся вновь подвести ее, что эрекция наполнила его безумной радостью, и едва войдя в нее, он ощутил дрожь, которую уже не в силах был сдержать. Полежав с ней в обнимку, он отодвинулся. Он хотел сказать, что такое с ним случается впервые. В постели со Сьюзен у него все шло гладко, хоть и доставало глубоких чувств.

– Прости меня, пожалуйста, – выдавил он.

Кайнене, пристально глядя на него, закурила.

– Не хочешь сегодня прийти к нам на ужин? Родители ждут гостей.

Ричард на миг опешил. Потом сказал: «Спасибо, с удовольствием». Он надеялся, что Кайнене пригласила его неспроста, начала воспринимать их отношения всерьез. Но когда он пришел в дом ее родителей в Икойи, Кайнене лишь коротко представила его и многозначительно замолчала: пусть, мол, родители и гости думают что хотят. Ее отец, оглядев Ричарда сверху вниз, спросил, чем тот занимается.

– Я писатель, – ответил Ричард.

– Писатель? Ну-ну.

Ричард тут же пожалел, что назвался писателем, и добавил, чтобы загладить свою оплошность:

– Меня поразили находки в Игбо-Укву. Бронзовое литье.

– Гм, – протянул господин Озобиа. – У кого-нибудь из ваших родных есть свое дело в Нигерии?

– Нет, к сожалению.

Господин Озобиа улыбнулся и отвел взгляд. Больше он за весь вечер не сказал Ричарду и двух слов, как и госпожа Озобиа: она всюду следовала за мужем, держалась как королева, а красота ее вблизи казалась еще неприступнее. Не такова была Оланна. Когда Кайнене представила ей Ричарда, она улыбнулась сдержанно, но в беседе с ним становилась все дружелюбнее, и Ричарду во взгляде ее почудилось сострадание, будто она догадывалась, какого труда ему стоит подбирать нужные слова. Ее сердечность подкупила Ричарда.

Странное дело, он даже почувствовал себя брошенным, когда Оланна села за стол далеко от него. Подали салат, и она заговорила с кем-то из гостей о политике. Как понял Ричард, речь шла о том, что Нигерия должна стать республикой, а не признавать главой государства королеву Елизавету, но слушал он невнимательно, пока Оланна не обратилась к нему:

– А вы согласны, Ричард?

Как будто его суждение имело вес.

Ричард откашлялся.

– Да, безусловно, – ответил он, толком не зная, с чем соглашается.

Он был благодарен Оланне за то, что она втянула его в разговор, и очарован ее уникальным качеством – одновременно и утонченным, и наивным идеализмом, не отступающим перед колючей действительностью. Кожа ее будто светилась изнутри, щеки круглились, когда она улыбалась. И все же ей не доставало той печальной таинственности, что восхищала и смущала его в Кайнене. Кайнене сидела с ним рядом и за весь ужин бросила лишь две фразы: приказала слуге поменять мутный бокал и шепнула Ричарду на ухо: «Ну и гадость этот соус». Она сидела отрешенная, смотрела в пустоту, пила, курила. Ричард до боли жаждал заглянуть ей в душу. Точно такую же боль причиняло ему физическое желание; он мечтал войти в ее сокровенные глубины, проникнуть в тайны ее существа, познать недоступное ему. Он словно пил воду стакан за стаканом, а в душе жил страх никогда не утолить жажду.

Ричард беспокоился о Сьюзен.

Вглядываясь в ее лицо – твердый подбородок, зеленые глаза, – он повторял про себя, что нельзя ее обманывать, нарочно засиживаться в кабинете, пока она не уснет, врать, что пошел в библиотеку, музей или клуб поло. Разве она заслужила? С ней ему жилось уютно, от ее шепота и от кабинета с карандашными набросками Шекспира на стенах веяло покоем. С Кайнене все было иначе. После каждой их встречи голова шла кругом от счастья и страха перед неизвестностью. На языке вертелись вопросы о том, что они всегда обходили молчанием, – об их отношениях, о будущем, о Сьюзен, – но всякий раз мешала нерешительность: ее возможные ответы пугали его.

Ричард ничего не предпринимал до тех пор, пока однажды утром не вспомнил день в Уэнтноре, когда он заигрался на улице и услышал голос Молли: «Ричард! Ужинать!» Вместо того чтобы побежать на зов, он юркнул под живую изгородь, содрав коленки. «Ричард! Ричард!» – испуганно звала Молли, а Ричард сидел молча, припав к земле. «Ричард! Где ты, Дикки?» Рядом возник кролик, остановился, взгляды их встретились, в этот миг только он и кролик знали, где Ричард. Кролик ускакал, под куст заглянула Молли и увидела Ричарда. Отшлепала его, до конца дня запретила выходить из комнаты. Сказала, что он ее очень огорчил, и обещала пожаловаться мистеру и миссис Черчилль. Но все это стоило стерпеть ради нескольких мгновений полной, безграничной свободы, когда он и только он распоряжался своим миром. Вспомнив те минуты, Ричард решил порвать со Сьюзен. И пусть им с Кайнене не суждено долго быть вместе, зато он будет свободен от лжи и притворства.

Решение придало Ричарду сил. Однако он отложил разговор со Сьюзен еще на неделю, до того вечера, когда они вернулись из гостей, где она выпила лишнего.

– Стаканчик на ночь, милый? – предложила она.

– Сьюзен, ты мне очень дорога, – выпалил Ричард, – но, боюсь, дела плохи... то есть между нами не все гладко.

– Что ты такое говоришь? – подняла брови Сьюзен, хотя ее мгновенно севший голос и бледность не оставляли сомнений, что она все поняла.

Ричард взъерошил волосы.

– Кто она? – спросила Сьюзен.

– Дело не в женщине. Просто мне кажется, мы хотим от жизни разного. – Сочинять не пришлось, Ричард говорил правду: у них никогда не совпадали устремления, ценности. Им не следовало съезжаться.

– Это не Кловис Бэнкрофт, нет? – У Сьюзен горели уши. Они всегда краснели, стоило ей выпить, но Ричард лишь сейчас заметил эту странность: бледное лицо и гневно-пунцовые уши.

– Нет, что ты!

Сьюзен, плеснув себе вина, опустила на подлокотник дивана. С минуту оба молчали.

– Я влюбилась в тебя с первого взгляда – сама не ожидала, ей-богу. Подумала: ну и красавчик, и такой нежный. Пожалуй, я сразу решила, что ты будешь мой. – Сьюзен тихонько, печально хохотнула, и Ричард заметил у нее вокруг глаз тонкие морщинки.

– Сьюзен... – начал он и осекся: что тут скажешь? Он не подозревал о чувствах Сьюзен. Только теперь он понял, как мало они говорили друг с другом, как мало труда вкладывали в отношения – просто плыли по течению. У них случился роман – именно случился, иного слова не подобрать.

– Я слишком торопила события, да? – Сьюзен подошла к Ричарду, встала рядом. К ней вернулось самообладание, подбородок перестал дрожать. – Ты мечтал попутешествовать, посмотреть страну – и не вышло; мы съехались, и я таскала тебя по этим кошмарным банкетам, где никому нет дела до литературы, африканского искусства и тому подобного. Как ты терпел? Прости меня, Ричард, я все понимаю. Конечно, ты должен поехать по стране. Чем помочь? У меня есть знакомые в Энугу и в Кадуне.

Ричард забрал у Сьюзен бокал, поставил на стол и обнял ее. Вдохнув знакомый запах яблочного шампуня, он ощутил тоску по прошлому, но лишь на миг.

– Не надо, я сам справлюсь.

Ричард понял: Сьюзен не верит, что все кончено, думает, что он вернется, – и не стал ее разубеждать. Когда дворецкий в белом фартуке открыл перед ним парадную дверь, у Ричарда стало легче на сердце.

– До свидания, сэр, – сказал дворецкий.

– До свидания, Окон.

Интересно, подслушивал ли хоть раз невозмутимый Окон у дверей, когда Сьюзен скандалила и била бокалы? Как-то раз Ричард попросил Окона научить его несложным фразам на языке эфик, но Сьюзен положила занятиям конец, застав их вдвоем в кабинете: Ричард тщательно выговаривал слова, а Окон ерзал на стуле. Дворецкий оглянулся на Сьюзен с благодарностью за избавление от сумасшедшего белого, а позже Сьюзен пожурела Ричарда: он не знает здешних порядков, есть черта, которую нельзя переступать. Слушая Сьюзен, он узнавал тетю Элизабет – та излагала свои взгляды, исполненная непоколебимой, самодовольной английской добропорядочности. Вздумай он рассказать о Кайнене, Сьюзен, пожалуй, ответила бы тем же тоном: понимаю, тебе интересно поразвлечься с чернокожей.

Из машины Ричард увидел, что Окон машет ему вслед. Ричард запел бы, если б умел. Все дома на Гловер-стрит походили на дом Сьюзен – громадины, обсаженные пальмами, окруженные газонами с чахлой травой.

На другой день Ричард сидел на кровати голый, глядя на Кайнене. Его вновь постигла неудача.

– Прости. Наверное, я слишком волнуюсь.

– Ничего, если я закурю? – Шелковая простыня подчеркивала худобу Кайнене и угловатость ее нагого тела.

Ричард зажег ей сигарету. Кайнене выбралась из-под простыни, села на постели. В номере работал кондиционер, и темно-коричневые соски ее заострились от холода: она отвернулась и выпустила дым.

– Не будем спешить, – сказала она. – К тому же есть и другие способы.

На Ричарда нахлынула злость: на себя – за бессилие, на Кайнене – за полунасмешливую улыбочку и упоминание о других способах, будто у него никогда не получится удовлетворить женщину обычным путем. Он знал, на что способен. Знал, что может доставить ей радость. Нужно лишь время. И все-таки он уже подумывал о целебных травах, дающих мужскую силу, – читал где-то, что ими пользуются здешние жители.

– Нсукка – клочок пыльной земли в глуши, дешевле земли для университета нигде не нашлось, – сказала Кайнене. Просто невероятно, до чего легко она переходила к будничным темам. – Но чтобы писать книгу, лучше места нет, верно?

– Верно, – согласился Ричард.

– Тебе может там понравиться, и ты захочешь остаться.

– Может быть. – Ричард нырнул под простыню. – Но я так рад, что ты будешь в Порт-Харкорте и мне не придется мотаться в Лагос, чтобы видиться с тобой.

Кайнене молча делала затяжку за затяжкой, и Ричард похолодел: вдруг она скажет, что с отъездом из Лагоса между ними все будет кончено и в Порт-Харкорте она найдет настоящего мужчину?

– Будешь приезжать ко мне по выходным. Мой дом – самое подходящее место для нас, – сказала Кайнене. – Такая громадина. Папа подарил мне его в прошлом году – что-то вроде приданого, приманка для подходящего жениха, чтобы пристроить дочку-уродину. Если вдуматься, очень по-европейски, здесь-то в ходу не приданое, а выкуп за невесту. – Она затушила сигарету, не докурив. – Оланна сказала, что дом ей не нужен. Он ей и вправду ни к чему. Недвижимость побережем для сестрицы-дурнушки.

– Не надо, Кайнене.

– «Не надо, Кайнене», – передразнила она и встала.

Ричарду хотелось вернуть ее в постель, но он не доверял своему телу, а нового разочарования не вынес бы. Иногда ему казалось, что он ничего о ней не знает и никогда не сможет до нее достучаться. Но бывало, лежа с ней рядом, он ощущал полноту жизни и уверенность, что нашел свое счастье.

– Кстати, я попросила Оланну познакомить тебя с ее революционером, – сказала Кайнене и сняла парик; короткие тугие косички делали ее лицо совсем юным, беззащитным. – До него она встречалась с князьком-хауса. Парень был спокойный, мягкий и не верил во всякие бредни, как она. А Оденигбо мнит себя борцом за свободу. Он математик, но все свободное время пишет статейки про социализм по-африкански. Оланна в восторге. Не понимают, какая ерунда на самом деле этот их социализм. – Кайнене снова надела парик и стала расчесывать; волнистые пряди с пробором посередине свисали до подбородка. Ричард любовался чистыми линиями ее худого тела, поднятой тонкой рукой.

– Социализм подошел бы для Нигерии, если строить его с умом, – заметил Ричард. – Ведь его суть – справедливая экономика, так?

Кайнене фыркнула:

– Строить социализм с игбо – гиблое дело. Здесь одно из самых любимых имен для девочек – Огбенъелу, а что оно значит? «Не отдадим замуж за бедняка». Ставить такую печать на ребенке с рождения – капитализм во всей красе.

Ричард расхохотался, и особенно его позабавило, что сама Кайнене даже не улыбнулась, невозмутимо причесываясь. Ричард представил, как будет смеяться с ней вместе еще много-много раз. Он часто ловил себя на том, что не успело кончиться настоящее, а он уже мечтает о будущем.

Ричард встал с постели и, поймав на себе взгляд Кайнене, застыдился своей наготы: вдруг за ее бесстрастным лицом прячется брезгливость?

– Я расстался со Сьюзен, – выпалил он. – Живу в гостинице «Принсвилл» в Икедже. До отъезда в Нсукку заберу у нее вещи.

Во взгляде Кайнене он прочитал удивление и что-то еще, не совсем понятное. Раздумье, быть может?

– У нас с ней не было будущего, – продолжал Ричард. Нельзя, чтобы Кайнене догадалась, что причина в ней. Еще не время.

– Тебе понадобится слуга, – сказала Кайнене.

– Что?

– Слуга в Нсукке. Стирать белье, прибирать дом.

Ричарда смутил столь неожиданный переход.

– Зачем? Я и сам управлюсь, давно живу один.

Кайнене вроде и не слышала.

– Попрошу Оланну подыскать кого-нибудь. – Она достала из портсигара сигарету, но зажигать не стала. Отложив ее на ночной столик, подошла к Ричарду и обняла его. Ричард от неожиданности даже не ответил на объятие. Кайнене никогда не обнимала его так крепко, разве что в постели. Сама Кайнене тоже как будто растерялась – сразу отстранилась и закурила. Потом Ричард часто вспоминал ее порыв, и его не покидало чувство, будто в тот миг рушилась стена.

Спустя неделю Ричард уехал в Нсукку. Он вел машину не спеша, то и дело съезжал с дороги, чтобы свериться с картой, которую нарисовала для него Кайнене. Переехав через Нигер, решил завернуть в Игбо-Укву. Очутившись на земле игбо, он хотел взглянуть на место, где нашли оплетенный сосуд. Тут и там попадались цементные дома; они выглядели чужеродно среди живописных глинобитных хижин, теснившихся по обе стороны немощеных улочек, таких узеньких, что Ричарду пришлось оставить машину на краю поселка и последовать за пареньком в шортах цвета хаки, видимо привыкшим водить туристов. Звали его Эмека Анози. На раскопках он был подсобным рабочим. Он показал Ричарду прямоугольные канавы на месте раскопок, лопаты, поддоны, в которых чистили бронзу.

– Хотите поговорить с моим отцом, нашим старейшиной? Я буду переводить, – вызвался Эмека.

– Спасибо. – Ричарда слегка ошеломил и теплый прием, и соседи, которые подходили и говорили: «Здравствуйте. *Нпо*, добро пожаловать», – хотя он и явился без приглашения.

Анози-старший был в засаленном покрывале, завязанном узлом на шее сзади. Он провёл Ричарда с Эмекой в свою полутемную, пропахшую плесенью хижину. Хоть Ричард и знал историю находок, но все равно задал вопрос. Анози-старший вдохнул щепотку табаку и начал рассказ. Лет двадцать назад его брат рыл колодец и наткнулся на что-то металлическое – оказалось, сосуд. Там же он нашел еще несколько, выкопал, отмыл и созвал соседей

посмотреть. Сосуды были тонкой работы, выглядели так, будто их сплели из металлических нитей, и всем в них чудилось что-то смутно знакомое, но никто не мог припомнить, где такие делают. Вскоре слух о находках докатился до окружного комиссара в Энугу, и тот велел отвезти их в Лагос, в Департамент древностей. После этого о сосудах долго молчали, его брат дорыл колодец, и жизнь пошла своим чередом. А несколько лет назад приехал белый из Ибадана и начал раскопки. Сперва долго тянулись переговоры – из-за хлева с козами и стены дома, которые надо было снести, – но работа пошла хорошо. Уже настал сезон харматана³⁹, боялись ураганов, и ямы прикрыли брезентом, натянутым на бамбуковые шесты. Нашли немало чудесных вещей: сосуды, раковины, украшения, фигурки змей, горшки.

– И еще нашли захоронение? – вставил Ричард.

– Да.

– Как по-вашему, оно принадлежало царю?

Анози-старший одарил Ричарда долгим горестным взглядом и запричитал. Эмека засмеялся:

– Отец думал, вы из тех белых, которые знают, что к чему. Народу игбо цари неведомы, у нас жрецы и старейшины. Захоронение, должно быть, принадлежало жрецу. Но жрецы не угнетают людей, как цари. А сейчас белые поставили над нами назначенных вождей, и эти глупцы величают себя царями.

Ричард извинился. На самом деле он знал, что игбо многие тысячи лет жили республиканским строем, но в одной из статей о находках в Игбо-Укву прочитал, что у игбо, возможно, все-таки были цари, только их низложили. Если на то пошло, игбо низложили даже богов, ставших бесполезными. Ричард посидел немного, пытаясь представить жизнь народа, что смог во времена Альфреда Великого создать изделия подобной красоты и сложности. Вот бы написать об этом, создать что-то свое... Например, фантастический роман, где главный герой-археолог ведет раскопки и в конце концов переносится в прекрасное прошлое.

Поблагодарив Анози-старшего, Ричард собрался уходить. Анози-старший что-то добавил, а Эмека перевел:

– Отец спрашивает, не хотите ли вы его сфотографировать? Все белые, что к нам приезжают, фотографируют.

Ричард помотал головой:

– Нет, извините. Я не взял фотоаппарат.

Эмека засмеялся.

– Отец спрашивает, что это за белый такой? Зачем сюда приехал и что здесь делает?

По пути в Нсукку Ричард тоже задавался вопросом, что он здесь делает, и другим, еще более мучительным, – о чем писать?

Приезжих ученых и художников селили в принадлежавшем университету доме на Имоке-стрит. Обстановка была скучной, почти монашеской, и, оглядев гостиную с двумя креслами, узкую кровать в спальне, пустые кухонные шкафчики, Ричард сразу почувствовал себя как дома. Здесь он сможет работать в тишине. Однако в гостях у Оланны и Оденигбо, когда Оланна сказала: «Твой дом не мешало бы сделать чуточку уютней», Ричард согласился, хотя ему там все понравилось. Он просто хотел заслужить в награду улыбку Оланны – ее внимание льстило ему. Оланна убедила Ричарда дважды в неделю приглашать их садовника Джомо, чтобы тот развел во дворе цветник. Она познакомила Ричарда с их друзьями, показала рынок и нашла самого подходящего, по ее словам, слугу.

Ричард представлял слугу шустрым пареньком вроде Угву, но Харрисон оказался мужчиной средних лет, низеньким, сгорбленным, худым как палка, в просторной белой рубашке

³⁹ Харматан – сильный пыльный ветер, дующий в сторону Гвинейского залива в сухой сезон с ноября по март.

ниже колен. Каждый разговор он начинал церемонным поклоном. Сияя от гордости, он рассказал Ричарду, что до него служил у священника-ирландца отца Бернарда и у профессора Ланда из Америки. «Моя готовить очень вкусна салата из свекла», – похвалился он в первый же день, и позже Ричард понял, что гордится он не умением готовить салат, а тем, что он из свеклы, которая продается лишь в ларьке с заморскими овощами, потому что нигерийцы ее не жалуют. В первый вечер Харрисон подал на ужин вкуснейшую рыбу, а на закуску – свекольный салат. На следующий вечер – темно-малиновое свекольное рагу с рисом. «Это американска рецепт, только места картошка – свекла», – объяснил он, с удовольствием наблюдая, как Ричард ест. На третий день Ричарда снова ждал салат из свеклы, а на четвертый – очередное свекольное рагу, на сей раз ядовито-красное.

– Не надо больше свеклы, Харрисон, – замахал руками Ричард. – Не надо, прошу вас. Харрисон приуныл, но тут же приободрился:

– Но, сэр, я готовить кухня из ваша страна. Что вы привыкнул с детства, я готовить. Я вообще не варить нигерийская еда, только заморская рецепт.

– А я вовсе не против нигерийской кухни, Харрисон, – ответил Ричард. Знал бы Харрисон, какой гадостью кормили его в детстве – вонючей копченой селедкой сплошь из одних костей, овсяной кашей с мерзкой и толстой, как непромокаемый плащ, пленкой сверху, пережаренным мясом в подливке, с застывшим жиром по краям.

– Хорошо, сэр. – Харрисон стал мрачнее тучи.

– Кстати, Харрисон, вы знаете какие-нибудь травы для мужчин? – нарочито небрежно поинтересовался Ричард.

– Сэр?

– Трава. – Ричард сделал неопределенный жест рукой.

– Овощи, сэр? Я готовить всяка салата из ваша страна очень вкусна, сэр. Для профессор Ланд я готовить всяка-всяка салат.

– Я имел в виду целебные травы.

– Целебные? Идите к доктор в Медицинска центр.

– Мне нужны африканские травы, Харрисон.

– Но, сэр, они плохие, от колдуна. Дьявола штука.

– Понятно. – Ричард сдался. Можно было догадаться, что к Харрисону, с его страстью ко всему иностранному, и обращаться не стоило. Лучше спросить Джомо.

Дождавшись прихода садовника, Ричард смотрел в окно, как тот сажает, а затем поливает лилии. Поставив на землю лейку, Джомо принялся собирать продолговатые бледно-желтые плоды зонтичного дерева, что нападали за ночь и лежали на газоне. Ричарда всюду преследовал сладковатый, приторный запах гниющих плодов; отныне этот запах всегда будет напоминать ему о Нсукке. Ричард подошел к Джомо – в руках у того была сумка из рафии, набитая плодами.

– С добрым утром, мистер Ричард, сэр! – поприветствовал его Джомо, как всегда, торжественно. – Если хотите, я отдам вашему слуге. Я не хотел забирать их себе. – Поставив сумку на землю, Джомо взял лейку.

– Не надо, Джомо. Мне они не нужны... Кстати, вы знаете какие-нибудь травы для мужчин? Для тех, у кого не получается... с женщиной?

– Знаю, сэр. – Джомо даже не оторвался от работы, словно с подобными вопросами к нему обращались каждый день.

– Знаете травы для мужчин?

– Да, сэр.

У Ричарда от радости замерло сердце.

– Вот бы взглянуть на них, Джомо.

– Мой брат был очень несчастливый: его первая жена не беременная и вторая жена не беременная. Дибиа⁴⁰ дал ему одну травку, и он жевал. Теперь обе его жены беременные.

– Отлично! Можете раздобыть для меня эту травку, Джомо?

Джомо оторвался от работы и взглянул на Ричарда, его мудрое морщинистое лицо светилося теплотой и состраданием.

– Белым она не помогает, сэр.

– Да нет же! Я хочу о ней написать.

Джомо покачал головой:

– Вы приходите к дии и там, у него, станете жевать. А писать про это нельзя, нет, сэр. – Джомо покачал головой и продолжил поливать, что-то монотонно напевая.

– Понятно. – Ричард пошел к дому, стараясь не выдать разочарования; он развернул плечи и напомнил себе, что хозяин здесь все-таки он.

У входа стоял Харрисон, делая вид, что протирает стеклянную дверь.

– Джомо что-то делать не так, сэр? – встрепнулся он.

– Я просто расспрашивал его кое о чем.

Слуга сник. С самого начала было ясно, что повар и садовник невзлюбили друг друга и каждый считает себя лучше другого. Однажды Ричард услышал, как Харрисон запретил Джомо поливать под окном кабинета, чтобы плеск воды не мешал хозяину работать. Харрисон стоял под самым окном и едва не кричал – чтобы хозяин уж наверняка услышал. Ричарда забавляло и стремление Харрисона выслужиться, почтение к его писательству; у Харрисона вошло в привычку каждый день смахивать пыль с печатной машинки – хотя она и не пылилась, – а если в корзине для бумаг он находил страницы рукописи, то ни за что не хотел их выбрасывать. «Вам они больше не нужны, сэр? Точно не нужны?» – допытывался Харрисон, держа в руках смятые листы, а Ричард в ответ твердил, что точно не нужны. Интересно, как отреагировал бы Харрисон, узнай он, что хозяин плохо представляет, о чем пишет, что набросал очерк об археологе и вышвырнул, затем – историю любви англичанина и чернокожей женщины и тоже вышвырнул, а теперь приступил к рассказу о жизни захолустного нигерийского городка. Материал он черпал в основном на вечерах у Оденигбо и Оланны. Ричарда принимали как своего, не выделяли среди остальных, и, может быть, потому ему было уютно сидеть на диване в гостиной и слушать.

Оланна представила его Оденигбо со словами: «Это друг Кайнене, Ричард Черчилль, я тебе о нем рассказывала». Оденигбо дружески тряхнул ему руку: «Не для того я стал первым министром короля, чтобы руководить распадом Британской империи».

Ричард не сразу понял, а сообразив, засмеялся над неуклюжей пародией на сэра Уинстона Черчилля. Потом

Оденигбо размахивал номером «Дейли тайме» и кричал: «Пришла пора деколонизировать систему образования! Не завтра, а прямо сейчас! Надо учить детей нашей истории», а Ричард думал: вот человек, который не стесняется своих чудачеств, и пусть он не красавец, а все внимание достается ему, хотя в комнате полно интересных мужчин. Следил Ричард и за Оланной, каждый взгляд на нее освежал душу, и почему-то ему неприятно было видеть руку Оденигбо на плече Оланны или представлять их в постели. Ричард обменивался с Оланной лишь общими фразами, но, когда он собрался в Порт-Харкорт навестить Кайнене, Оланна попросила: «Передай Кайнене привет».

– Хорошо, – пообещал Ричард: в первый раз Оланна при нем упомянула о сестре.

Встретив Ричарда на вокзале, Кайнене повезла его в своем «пежо-404» на окраину Порт-Харкорта, на берег океана, к уединенному трехэтажному дому с верандами, увитыми

⁴⁰ Дибиа – колдун, знахарь.

бледно-лиловой бугенвиллеей. Вдыхая соленый воздух, Ричард шел следом за Кайнене по просторным комнатам с разнотильной, но со вкусом подобранной мебелью, пейзажами в приглушенных тонах, скульптурами мягких очертаний. Натертые полы пахли воском.

– Будь мы поближе к морю, вид был бы еще красивее. Зато я все обставила по-своему, не так, как папа, – надеюсь, не слишком вульгарно? – спросила Кайнене.

Ричард засмеялся – не только над ее шутливым намеком на Сьюзен (он передал ей слова Сьюзен о господине Озобиа), но и от радости, услышав «мы». «Мы» подразумевало их обоих; Кайнене впустила его в свою жизнь. Представляя его слугам – их было трое, все в одинаковой, нелепо сидевшей форме цвета хаки, – Кайнене пояснила с обычной кривой усмешкой: «Мистера Ричарда вы будете видеть очень часто».

– Добро пожаловать, сэр, – сказали они хором и почтительно вытянулись, а Кайнене, указав на каждого, назвала их имена: Икеджиде, Ннанна и Себастьян.

– Икеджиде самый умный, у него имеется одна извилина, – прибавила Кайнене.

Все трое улыбнулись, как будто каждый был другого мнения, но, разумеется, предпочел промолчать.

– А сейчас, Ричард, экскурсия по окрестностям. – Кайнене изобразила поклон, пародируя слуг, и повела его через заднюю дверь в апельсиновый сад.

– Привет тебе от Оланны, – сказал Ричард, взяв Кайнене за руку.

– Говоришь, ее любовник-бунтарь принял тебя в свой круг? Полагаю, мы должны быть благодарны. Раньше он пускал в дом только чернокожих преподавателей.

– Он так и сказал. Говорил, в Нсукке было полно приезжих из Агентства по международному развитию, из Корпуса мира и Мичиганского университета и ему хотелось приютить немногих лекторов-нигерийцев.

– Чтобы обсуждать их националистские бредни.

– Верно. Он большой оригинал.

– Большой оригинал! – передразнила Кайнене. Она остановилась, раздавила что-то носком сандалии. – Нравятся они тебе, да? Оланна и Оденигбо?

Ричарду хотелось заглянуть ей в глаза и развеять ее подозрения, произнести именно то, чего она ждала в ответ.

– Нравятся, – кивнул он. Ладонь Кайнене лежала в его руке вяло, безвольно, и Ричард боялся, как бы она не убрала руку. – Они очень помогли мне обжиться в Нсукке, – добавил он, будто оправдываясь. – Я там уже как дома. И еще я благодарен им за Харрисона.

– Вот за Харрисона и впрямь спасибо. Как поживает Свекольная душа?

Ричард обнял Кайнене, радуясь, что она не злится.

– Хорошо. Он славный человек, такой забавный.

Они шли по саду, в густой тени апельсиновых деревьев, и Ричард вдруг ощутил собственную чужеродность. Кайнене рассказывала о ком-то из своих подчиненных, а он унесся далеко: гудение мошек над головой, буйная зелень пробудили воспоминания о родительском доме в Уэнтноре. Казалось бы, что общего между влажными тропиками, где у него обгорает кожа на руках, где греются на солнце пчелы, – и ветхим английским домом, где даже летом гуляют сквозняки? И все же Ричард видел перед собой стройные тополя и ивы позади дома, поля, где он подстерегал барсуков, бесконечные холмы, поросшие вереском и папоротником, стада овец. «Там горы голубеют...» Он вспомнил, как отец и мать сидели с ним в сырой спальне и отец читал вслух стихи.

Из той далекой стороны
Мне в сердце смертью веет:
Там крыши острые видны,
Там горы голубеют...

То незабвенные края,
Счастливые чертоги,
Где некогда бродил и я,
Куда мне нет дороги⁴¹.

На словах «там горы голубеют» отец всегда понижал голос. После ухода родителей Ричард подолгу смотрел в окно на синевшие вдали холмы.

Ричард не предполагал, что Кайнене живет столь напряженной жизнью. В Лагосе, когда они виделись урывками в отеле, он не задумывался о том, что жизнь ее, полная событий, мало изменилась бы даже без него. Его неприятно удивило, что он не единственный обитатель ее мира. Едва переехав в Порт-Харкорт, Кайнене завела свои порядки. Работа для нее была превыше всего, она поставила цель расширить отцовские предприятия, превзойти отца. По вечерам к ней приезжали посетители: дельцы – за договорами, чиновники – за взятками, трудовой люд – за работой. Кайнене старалась не засиживаться с ними, зная, что Ричард читает или пишет у себя наверху и ждет, пока они уйдут. То и дело он гнал прочь страх, что ночью у него опять ничего не выйдет; он пока не мог полностью доверять своему телу и обнаружил, что чем больше страшится неудачи, тем сложнее ее избежать.

Когда он гостил в Порт-Харкorte в третий раз, в дверь постучал слуга и доложил: «Мадам, приехал майор Маду». Кайнене попросила Ричарда спуститься с ней вместе.

– Маду – мой старый друг, я хочу вас познакомить. Он только что вернулся из Пакистана, с учений, – пояснила она.

Ричард еще в прихожей учуял запах одеколона, приторный, навязчивый. Наружность самого гостя была примечательна: широкое лицо, кожа цвета красного дерева, толстые губы, приплюснутый нос; Ричарду почудилось в нем что-то первобытное. Когда тот протянул руку, Ричард невольно отступил: гость был громадного роста. Ричард привык быть выше всех, смотреть на людей сверху вниз, но сейчас перед ним стоял человек на полголовы выше, а широкие плечи и могучее сложение будто еще прибавляли ему роста.

– Ричард, это майор Маду Маду, – представила Кайнене.

– Здравствуйте, – сказал майор Маду. – Я о вас слышан от Кайнене.

– Здравствуйте, – пробурчал Ричард.

Это уже слишком: запросто, с чуть снисходительной усмешкой называть Кайнене по имени, будто Кайнене не просто рассказывала ему о Ричарде, а нашептывала на ухо, с глупым хихиканьем, рожденным физической близостью. Маду Маду – надо же такое имечко выдумать. Ричард сел на диван; Кайнене предложила выпить, он отказался. Он чувствовал, как кровь отхлынула от лица. Ему было бы приятнее, если бы Кайнене сказала: «Это Ричард, мой любовник».

– Так вы с Кайнене познакомились в Лагосе? – начал разговор майор Маду.

– Да.

– Она впервые рассказала мне о вас, когда я звонил ей из Пакистана, с месяц назад.

Ричард не знал, что ответить. Он понятия не имел, что Кайнене звонили из Пакистана, и не помнил, чтобы она хоть раз упомянула о дружбе с офицером, у которого что имя, что фамилия – все одно.

– А вы давно знакомы? – спросил Ричард и тут же забеспокоился, не промелькнуло ли в его тоне подозрение.

⁴¹ Альфред Эдвард Хаусман. Из той далекой стороны. Перевод Марины Бородинской.

– Наши семьи соседствуют в Умунначи. – Майор Маду повернулся к Кайнене: – Говорят, мы даже в родстве, так ведь? Только ваши предки украли нашу землю, и мы от вас отrekliсь.

– Нет, это ваши предки украли нашу землю, – со смешком возразила Кайнене.

Ричарда удивил ее низкий, хриплый смех. Еще больше его удивило, как по-хозяйски держался Маду – развалился на диване, без спроса сменил кассету в магнитофоне, шутил со слугами. Ричард чувствовал себя не у дел. Почему Кайнене не предупредила, что майор Маду останется ужинать? Почему она пьет не джин с тоником, как Ричард, а разбавленный виски, как майор Маду? Почему майор Маду засыпает его вопросами, будто он здесь хозяин, а Ричард – гость, которого надо развлекать? «Как вам нравится Нигерия? Очень вкусный рис, правда? Как ваша книга? Как вам Нсукка?»

Ричарду были противны и вопросы, и безупречные манеры гостя за столом.

– Я учился в Сэндхерсте⁴², – рассказывал майор Маду, – и больше всего ненавидел тамошний холод. Тем более что по утрам нас гоняли по морозу в одних шортах и рубашках.

– Представляю себе, – кивнул Ричард.

– Не то слово. Каждому свое. И вас, не сомневаюсь, скоро замучает ностальгия, – сказал майор Маду.

– Вряд ли.

– Вы в курсе, что Британия ограничила въезд из Содружества? Хотят, чтобы все сидели дома. Самое смешное, что они к нам могут приезжать сколько угодно. – Пережевывая рис, майор Маду вертел в руках бутылку, словно перепутал минеральную воду с вином и интересовался выдержкой. – Как только я вернулся из Англии, меня отправили в Конго с Четвертым батальоном ООН. Командование у нас было хуже некуда, но все равно я не променял бы Конго на более-менее безопасную Англию. В Конго хотя бы тепло. – Майор Маду помолчал. – Мы были под началом полковника-британца. – Он мельком взглянул на Ричарда и продолжал жевать.

Ричард кипел от гнева; пальцы не слушались, он боялся выронить вилку.

Сразу после ужина, когда они сидели на веранде при луне и слушали хайлайф, раздался звонок в дверь.

– Должно быть, Удоди. Я его просил за мной зайти, – сказал майор Маду.

Ричард прихлопнул назойливого москита над ухом. Как видно, дом Кайнене служил местом встреч майора с друзьями.

Удоди оказался невзрачным человечком, без тени искусственного обаяния и легкой надменности майора Маду. Он явно был пьян, сильно пьян, судя по тому, как он долго тряс Ричарду руку.

– Вы деловой партнер Кайнене? Торгуете нефтью? – спросил Удоди.

– Я вас не представила! – спохватилась Кайнене. – Ричард, это майор Удоди Экечи, друг Маду. Удоди, это Ричард Черчилль.

– Ага. – Глаза майора Удоди сузились. Он плеснул в бокал виски, осушил залпом и что-то сказал на игбо.

Кайнене ответила по-английски, холодно, с расстановкой:

– Не твое дело, Удоди, кого я выбираю в любовники.

Ричард открыл рот, чтобы отчитать наглеца, но не издал ни звука. На него накатила слабость, как от горя или болезни. Музыка смолкла, слышался лишь рокот далеких волн.

– Ой, прости. Согласен, не мое дело. – Майор Удоди с хохотом вновь потянулся к бутылке.

– Ну-ну, полегче, – остановил его майор Маду. – Похоже, ты с утра начал.

⁴² Сэндхерст – Королевская военная академия Великобритании, самое престижное военное учебное заведение в мире.

Майор Удоди налил себе еще бокал и обратился к Кайнене:

– Вот что я тебе скажу: с белыми путаются женщины определенного сорта – из бедных семей и с фигурой, что по вкусу белым. – Помолчав, он передразнил английский акцент: – «Чертовски аппетитные попки!» – и загоготал. – Белые лапают женщин по темным углам, а жениться – ни-ни. Где это видано? Они и на люди-то с ними не выходят! Но женщины все равно позорятся, цепляются за них, а взамен получают лишь жалкие подачки да дрянной чай в красивых банках. Это рабство на новый лад, говорю тебе, рабство. А ты дочь Большого Человека, что ты с ним связалась?

Майор Маду встал:

– Прости, Кайнене, наш приятель не в себе. – Он поднял майора Удоди со стула и что-то быстро сказал ему на игбо.

Майор Удоди снова рассмеялся:

– Ладно, ладно, только виски прихвачу. Бутылка все равно почти пустая. Я заберу, нет возражений?

Кайнене промолчала, и майор Удоди сцапал со стола бутылку. Когда он и Маду ушли, Ричард подсел к ней и взял за руку. Он чувствовал себя полным ничтожеством. Возможно, поэтому майор Маду извинился перед одной Кайнене, забыв про него.

– Он вел себя мерзко. Мне жаль, что так вышло, Кайнене.

– Пьян в дым. Маду наверняка сгорит со стыда. – Кайнене указала на папку на столе: – Я только что получила контракт на поставку ботинок батальону в Кадуне.

– Отлично. – Допивая джин, Ричард смотрел, как Кайнене перебирает документы.

– Посредник – игбо, и он, по словам Маду, рад был заключить договор с соплеменницей. Так что мне повезло. И просит всего-то пять процентов.

– Взятку?!

– Святая невинность.

Ричарда злила и насмешка в голосе Кайнене, и то, что она не винила майора Маду за пьяную выходку приятеля. Ричард поднялся и стал мерить шагами веранду. Вокруг лампы дневного света гудела мошкара.

– Так вы, значит, с Маду давнишние знакомые? – Ричарду было неприятно называть майора по имени, что предполагало сердечность, которой он в себе не находил. Но выбора не было. Называть его майором – много чести.

Кайнене внимательно взглянула на него.

– Сколько себя помню. Наши семьи очень дружат. Однажды, давным-давно, мы приехали в Умунначи на Рождество и Маду подарил мне черепаху – самый странный и самый чудесный подарок за всю мою жизнь. Оланна возмутилась – нельзя, мол, держать бедняжку в неволе, – но они с Маду всегда друг друга недолгоблывали. Черепаху я посадила в таз, и она, конечно, долго не прожила. – Кайнене вновь углубилась в бумаги.

– Он женат?

– Да. Адаоби учится в Лондоне на бакалавра.

– Поэтому вы так часто видитеесь? – спросил Ричард хрипло, словно у него внезапно запершило в горле.

– Схожу в кабинет, сделаю кое-какие заметки и вернусь. – Кайнене встала.

У Ричарда не хватало духу спросить начистоту, нравится ли ей Маду как мужчина, были ли они близки прежде или, того хуже, близки до сих пор? Он подошел к Кайнене, привлек ее к себе и обнял, чтобы слышать стук ее сердца. Впервые в жизни он чувствовал, что у него есть свое место в мире.

1. Книга: Мир молчал, когда мы умирали

В прологе он рассказывает историю женщины с калebasом. Она сидела на полу в вагоне, переполненном людьми, вокруг нее плакали, кричали,

молились. На коленях она держала закрытый калebas, молча поглаживая его, а когда пересекли Нигер, подняла крышку и попросила Оланну и ближайших соседей заглянуть внутрь.

Историю ему рассказывает Оланна, с мельчайшими подробностями. По ее словам, следы крови на одежде женщины сливались в ржаво-коричневый узор. Оланна описывает резьбу на калebasе – пересечение косых линий – и отрубленную голову девочки внутри: грязные косички, накрывшие лоб, закатившиеся глаза, изумленно раскрытый рот.

Затем он упоминает о немках, бежавших из Гамбурга с обугленными телами детей в чемоданах, о женщинах Руанды, увозивших с собой останки своих убитых младенцев, но намеренно старается не проводить параллелей. На обложке книги изображена карта Нигерии, где ярко-красным выделены реки Нигер и Бенуэ. Тем же цветом обозначена граница на Юго-Востоке, где на протяжении трех лет существовала Биафра.

4

Угву неспешно убирал со стола. Сначала отнес на кухню бокалы, потом миски из-под рагу и ножи, под конец сложил стопкой тарелки. Даже не подглядывая из кухни, он мог сказать, кто где сидел. На тарелке Хозяина, как всегда, осталось много риса – он ел рассеянно, и рисинки сыпались с вилки. На бокале Оланны отпечаталась полумесяцем помада. Океома все подряд ел ложкой, а вилку и нож откладывал в сторону. Профессор Эзека принес с собой импортное пиво, и рядом с его тарелкой стояла коричневая бутылка. Мисс Адебайо оставляла колечки лука, а мистер Ричард никогда не обглаживал куриные косточки.

В кухне Угву убрал тарелку Оланны в сторону, а из остальных вытряхнул объедки, глядя, как летят в мусорное ведро рис, рагу, зелень и кости. Кто-то разгрыз часть косточек в щепки, а Оланна только пожевала концы, и все три косточки сохранили форму. Угву сел за стол, выбрал одну и, прикрыв глаза, сунул ее в рот, представив, как ту же косточку обсасывала Оланна.

Он сосал кость за костью, не торопясь, с удовольствием, громко причмокивая. Стесняться некого – он в доме один, Хозяин и Оланна только что ушли с друзьями в университетский клуб. До ужина далеко, посуда в раковине, можно капельку побездельничать. Оланна называла эти часы «временем домашних заданий» и если была дома, то просила Угву взять книги и тетради в спальню. Она не знала, что над уроками он никогда не засиживался, а, быстренько покончив с ними, устраивался у окна и продирался сквозь запутанные фразы в книгах Хозяина, то и дело поглядывая из окна, как кружатся над белыми цветами бабочки.

Посасывая вторую косточку, Угву достал тетрадь и прочел стихотворение, которое списал с доски, старательно копируя почерк миссис Огуике. Закрыв глаза и повторил наизусть:

Зачем мне только обещали
Иную жизнь в неведомой стране?
Ах, в том краю – не то что в этом!
Там весело зимой и летом,
Там всюду фрукты и цветы
Необычайной красоты...⁴³

Угву вновь пробежал глазами стихотворение, проверяя, не пропустил ли чего. Только бы Хозяин не попросил прочесть стихи. Угву хоть и выучил их, но не знал, что ответить, если Хозяин вдруг спросит: «В чем тут смысл?» Или: «Как по-твоему, о чем здесь на самом деле говорится?» Рисунки в книге, которую принесла на урок миссис Огуике, были совсем непонятные: длинноволосый человек ведет за собой довольных крыс. Чем больше Угву смотрел, тем больше убеждался, что это дурацкая шутка. Даже миссис Огуике и то небось невдомек, к чему все это. Угву нравилась миссис Огуике. Она не выделяла его среди остальных и будто не видела, что на переменах он сидит один, зато сразу заметила, что он схватывает все на лету, – в первый же день, когда давала ему устные и письменные задания, а Хозяин ждал за дверью душного кабинета. «Мальчик рано или поздно перепрыгнет через класс, у него врожденные способности», – сказала она Хозяину, точно Угву не стоял рядом. Фраза «врожденные способности» стала для Угву любимой.

Угву закрыл тетрадь и пошел мыть посуду. Все косточки он уже разгрыз – теперь во рту у него вкус губ Оланны. В первый раз он грыз за ней кости пару недель назад, увидев в субботу утром, как они с Хозяином целовались в гостиной. Мысль о том, что ее слюна во рту

⁴³ Роберт Браунинг. Пестрый дудочник. Перевод Марины Бородицкой.

у Хозяина, и отталкивала, и волновала Угву. Точно так же и ее стоны по ночам: не очень-то приятно было их слышать, и все равно Угву часто подходил к хозяйской спальне и слушал, прижав ухо к прохладной деревянной двери. Точно так же он разглядывал в ванной белье Оланны – комбинации с кружевами, плотные бюстгалтеры, трусы.

Теперь уже невозможно было представить дом без Оланны. Вечерами, когда гостиная наполнялась людьми, голос ее, звонкий и красивый, был слышнее всех. Угву так и подмывало высунуть язык и сказать мисс Адебайо: «Не умеешь говорить по-английски, как моя мэм, – вот и заткни свою грязную пасть». Казалось, в шкафу всегда висела одежда Оланны, радиолы всегда играла ее любимый хайлайф, в комнатах всегда витал запах ее кокосовых духов, а на дорожке у дома всегда стояла ее «импала». И все-таки Угву тосковал о былых днях, когда они жили вдвоем с Хозяином. Жаль было тех вечеров, когда он сидел на полу в гостиной, а Хозяин что-то рассказывал, и утренних часов, когда он подавал завтрак и в доме звучали лишь два голоса – его и Хозяина.

Хозяин тоже переменялся. Он слишком часто и подолгу смотрел на Оланну, слишком крепко обнимал, а когда Угву распахивал входную дверь, он тут же рыскал взглядом по гостиной в поисках Оланны. А вчера, например, Хозяин сказал Угву: «На выходные придет моя мама, так что приведи в порядок комнату для гостей». Не успел Угву ответить: «Да, сэр», как вмешалась Оланна: «Думаю, Угву стоит перебраться во флигель для слуг. У нас освободится еще одна комната, и твоя мама сможет погостить подольше».

«Верно», – согласился Хозяин так быстро, что Угву взяла досада: ради Оланны он, чего доброго, и голову в костер сунет. Как будто она теперь главная в доме! Меж тем Угву вовсе не прочь был пожить во флигеле, совсем пустом, не считая паутины да картонных коробок. Там он сможет прятать всякое старье, которое сохранил, там можно устроить все по-своему. Никогда прежде Хозяин не упоминал при нем о матери, и в тот вечер, прибираясь в гостевой, Угву пытался представить женщину, которая купала маленького Хозяина, кормила, вытирала ему нос. Угву заранее трепетал перед ней, ведь она произвела на свет Хозяина!

Оставшуюся от обеда посуду Угву помыл быстро. Если так же быстро приготовить зелень для похлебки к ужину, то до возвращения Хозяина с Оланной он успеет забежать к мистеру Ричарду поболтать с Харрисоном. С недавних пор Угву рвал зелень руками, а не резал ножом. Это Оланна его научила – так, мол, лучше сохраняются витамины. Угву понравилось – впрочем, как и все, чему учила его Оланна: готовить омлет с молоком, нарезать жаренные бананы аккуратными кружочками вместо кривых овалов, готовить мой-мой⁴⁴ в алюминиевых чашечках, а не в банановых листьях. Теперь, когда Оланна доверила ему почти всю кухню, у Угву вошло в привычку то и дело выглядывать из дверей и смотреть, кто больше всех нахваливает еду, кто что любит, кто берет добавку. Доктору Пателю нравилась курица, тушенная с перцем узиза. Мистеру Ричарду тоже, только шкурку он никогда не ел – оттого, наверное, что у самого кожа бледная, как у курицы. А отчего же еще? Ведь шкурка – это самое вкусное! Мистер Ричард всегда благодарил, когда Угву заходил принести воды или убрать посуду: «Курица изумительная, спасибо, Угву». Бывало, когда все перебирались в гостиную, мистер Ричард заглядывал к Угву на кухню и принимался задавать вопросы. Такие смешные, что хоть стой, хоть падай. Есть ли у его народа резьба или скульптуры, изображающие богов? Бывал ли Угву в святилище у реки? Еще смешнее было, когда мистер Ричард записывал ответы в книжицу в кожаном переплете. На днях, стоило Угву обмолвиться о празднике ори-окпа, глаза мистера Ричарда засинели еще ярче, и он сказал, что хочет побывать на празднике и попросит Хозяина отпустить Угву вместе с ним в его родной поселок.

Угву прыснул, доставая из холодильника зелень. Представить только – мистер Ричард на празднике ори-окпа, где ммуо (мистер Ричард называл их ряжеными; что ж, пусть будут

⁴⁴ Мой-мой – пудинг из бобов, готовится на пару.

ряженные, если это значит – духи) расхаживают по поселку, бьют парней и гоняются за девушками! Даже сами ммуо и те попадали бы со смеху при виде белого с записной книжкой. И все-таки не зря он рассказал мистеру Ричарду о празднике – значит, сможет повидать Нне-синачи до ее отъезда на Север. Вот удивится она, увидев его в машине с белым! Тогда-то она уж точно обратит на него внимание. Скорей бы удивить Анулику и всю родню правильным английским, новой рубашкой, познаниями в бутербродах и водопроводах и душистым порошком!

Едва Угву успел вымыть покрошенную зелень, в дверь позвонили. Вряд ли друзья Хозяина, еще рано. Угву поспешил к двери, на ходу вытирая руки о передник. На пороге стояла тетушка – или ему померещилось, потому что он мечтал о доме?

– Тетушка!

– Угву, детка, – сказала тетя, – нужно ехать домой. Где твой хозяин – *oga gi kwanu*?

– Домой?

– Твоя мама очень больна.

Угву разглядывал платок на голове у тетушки, кое-где протертый почти до дыр. Когда у его двоюродной сестры умер отец, родные сообщили ей в Лагос: езжай домой, твой отец очень болен. Если ты далеко от дома, а у тебя кто-то умер, тебе говорят, что он очень болен.

– Твоя мама больна, – повторила тетушка. – Она спрашивает про тебя. Скажу Хозяину, что ты вернешься завтра же, чтоб он не подумал, что я слишком многого прошу. Ведь большинство слуг годами не видят дома.

Угву теребил край передника. Он хотел попросить тетю сказать правду, если мама умерла. Но язык отказывался произнести такое. Угву вспомнил, как мама болела в прошлый раз, как она все кашляла и кашляла, как отец еще до рассвета пошел за дибией, а Чиоке, младшая жена, растирала ей спину. Ему стало страшно.

– Хозяина нет дома... Но он скоро придет.

– Я его дождусь и буду просить, чтобы он отпустил тебя на один день.

Тетушка прошла следом за Угву на кухню и стала смотреть, как он режет ямс, сначала ломтиками, потом кубиками. Работал он быстро, лихорадочно. В окно бил солнечный свет, не по-вечернему яркий, зловещий.

– Папа здоров?

– Здоров.

Лицо у тетушки было каменное, голос тусклый, как у тех, кто держит в себе дурные вести. Наверняка она что-то скрывает. Может быть, мама и вправду умерла; может, они с отцом оба умерли нынче утром. Угву продолжал работать в тяжелом молчании, пока не вернулся Хозяин. Белый теннисный костюм прилип к спине. Он был один. Жаль, что Оланна не пришла, – было бы легче говорить с Хозяином, глядя ей в лицо.

– Здравствуйте, сэр.

– Здравствуй, друг мой. – Хозяин положил на кухонный стол ракетку. – Воды, пожалуйста. Я проиграл все матчи.

Стакан воды со льдом уже стоял наготове на блюде.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровалась тетушка.

– Добрый вечер, – проговорил Хозяин слегка растерянно, будто не узнав ее. – А-а. Как поживаете?

Не дав тетушке раскрыть рта, Угву сказал:

– Моя мама больна, сэр. Пожалуйста, сэр, можно я к ней съезжу, всего на денек?

– Что?

Угву повторил свою просьбу. Хозяин перевел взгляд с него на кастрюлю на плите.

– Ты уже все приготовил?

– Нет, сэр, осталось чуть-чуть, я успею до отъезда. Накрою на стол, все принесу.

Хозяин обратился к тетушке:

– *Gini me?*⁴⁵ Что с ней?

– Сэр?..

– Вы что, глухая? – Хозяин показал на свое ухо.

– У нее жжет в груди, сэр, огнем горит.

– Жжет в груди? – Хозяин хмыкнул. Допив воду, он обратился к Угву по-английски: – Надевай рубашку и садись в машину. До твоего поселка рукой подать, успеем вернуться.

– Что, сэр?

– Одевайся и садись в машину! – Хозяин что-то нацарапал на листке и оставил на столе. – Мы привезем твою маму сюда, пусть доктор Патель ее осматривает.

Угву шел к машине с тетушкой и Хозяином, и ему казалось, он вот-вот рассыплется. Руки-ноги стали как ручки метелок, что с легкостью ломает северный ветер харматан. Почти всю дорогу ехали молча. Когда проезжали поля с рядами кукурузы и маниоки, ровными, будто аккуратно заплетенные косички, Хозяин сказал:

– Видишь? Вот о чем должно заботиться правительство. Если мы освоим технологии орошения, то накормим страну и преодолеем колониальную зависимость от импорта.

– Да, сэр.

– А эти неучи в правительстве знай себе врут да воруют. Несколько моих студентов сегодня утром уехали в Лагос на демонстрацию.

– Да, сэр, – повторил Угву. – А что за демонстрация, сэр?

– Из-за итогов переписи, – объяснил Хозяин. – С переписью полнейшая неразбериха, цифры подтасовали. Вряд ли Балева что-то предпримет, он заодно с мошенниками. Но молчать нельзя!

– Да, сэр.

– Вынеси мамини вещи, и поживей, – велел Хозяин. – У меня вечером гости из Ибадана.

– Да, сэр! – в один голос ответили Угву и тетушка.

Угву вылез из машины и остался ждать. Тетушка кинулась в хижину, откуда вскоре вышел отец – поникший, с красными глазами. Он рухнул на колени прямо в грязь и обнял ноги Хозяина.

– Спасибо, сэр. Спасибо, сэр. Да воздастся вам добром за добро.

Хозяин отступил на шаг, и отец, покачнувшись, едва не упал плашмя.

– Встаньте! *Kute!* – велел Хозяин.

Из хижины вышла Чиоке.

– Это моя младшая жена, сэр, – сказал отец, поднимаясь.

– Спасибо, сэр. *Deje!*⁴⁶ – Чиоке сбегала в хижину, вынесла небольшой ананас и вложила Хозяину в руку.

– Не надо, не надо. – Хозяин мягко оттолкнул ананас. – Здешние ананасы слишком кислые, от них во рту горит.

Вокруг машины сгрудились деревенские ребяташки, заглядывали внутрь, проводили дрожащими от восторга пальцами по синему корпусу. Угву всех разогнал. Была бы дома Анулика, они вместе зашли бы к маме. А еще лучше, чтобы заглянула Ннесиначи, взяла его за руку и сказала бы, что мамина болезнь совсем не опасна, а потом повела бы его в рощицу у источника, развязала покрывало и предложила ему свою грудь, взяв ее в ладони и слегка приподняв. Детвора громко галдела. Рядом стояли, скрестив руки, несколько женщин и переговаривались вполголоса. Отец без конца предлагал Хозяину то пальмового вина, то

⁴⁵ Что случилось? (*игбо*)

⁴⁶ Приветствую (*игбо*).

присесть, то попить, а Хозяин отмахивался: нет, нет, нет. Угву хотелось, чтобы отец замолчал. Он подошел к хижине и заглянул в приоткрытую дверь. В полумраке глаза его встретились с глазами матери. Она будто высохла, сжалась.

– Угву, – вымолвила она. – Нно, проходи.

– *Deje*, – поздоровался Угву и не сказал больше ни слова, пока тетушка, повязав матери вокруг пояса покрывало, не вывела ее на улицу.

Угву хотел помочь матери сесть в машину, но Хозяин остановил его: «Отойди в сторонку, друг мой» – и сам помог ей забраться на заднее сиденье, предложив лечь поудобней.

Лучше бы Хозяин не прикасался к маме, подумалось Угву, – от ее одежды тянет плесенью и затхлостью, и Хозяин знать не знает, что у нее болит спина, а когда она кашляет, у нее и вправду огнем жжет в груди. Что он вообще понимает, если только горлопанит с друзьями да бренди ночами глушит?

– Счастливо оставаться, мы дадим вам знать, как только доктор ее осмотрит, – сказал Хозяин на прощанье отцу с тетушкой.

Угву старался не смотреть на мать; он пошире открыл окно, чтобы шум ветра в ушах отвлекал его от горестных мыслей. А когда у въезда в университетский городок он все же решился на нее взглянуть, у него упало сердце. Провалившиеся глаза, бескровные губы... но грудь ее поднималась и опускалась, она дышала. Угву шумно вздохнул и припомнил холодные вечера, когда она кашляла без остановки, а он стоял, прижавшись к стене хижины, и слушал, как отец и Чиоке упрашивают ее выпить отвар.

Дверь им открыла Оланна, на ней был передник с масляным пятном – передник Угву. Она поцеловала Хозяина.

– Я попросила Пателя зайти, – сказала Оланна и обратилась к матери Угву: – Здравствуйте. *Kedu?*

– Спасибо, хорошо, – прошептала та и еще сильнее сжалась при виде просторной комнаты с радиолой, диванами, красивыми занавесками.

– Я провожу ее в комнату, – продолжала Оланна. – А ты, Угву, закончи на кухне и накрой на стол.

– Да, мэм.

Зайдя на кухню, Угву помешал перцовую похлебку в кастрюле. Закружились капельки жира в бульоне, защекотал ноздри ароматный пар, всплыли кусочки мяса и потрохов. Но Угву ничего не замечал. Он напрягал слух, стараясь разобрать хоть словечко. Уже давно, очень-очень давно Оланна проводила маму в комнату, и следом зашел доктор Патель. От перца слезились глаза. Он вспомнил, как мама болела в прошлый раз, как она кашляла, кричала, что у нее немеют ноги, а дибиа велел ей сказать злым духам, чтобы отступились от нее. «Скажи им, что твое время еще не пришло! *Gwa ha kita*, скажи сейчас же», – повторял он.

– Угву! – окликнул Хозяин.

Угву поспешил в гостиную и машинально взялся за дело – подавал орехи кола и жгучий перец, откупоривал бутылки, раскладывал лед, раздавал дымящиеся миски перцовой похлебки. Потом уселся на кухне, пытаясь представить, что происходит в комнате. Из гостиной неслся голос Хозяина: «Жечь государственную собственность нельзя, никто и не спорит, но вводить войска и убивать во имя порядка?! Люди тив умирают ни за что. Ни за что! Балева выжил из ума!»

Угву не знал, кто такие люди тив, но при слове «умирают» вздрогнул. «Твое время еще не пришло, – прошептал он. – Не пришло».

– Угву! – В дверях кухни стояла Оланна.

Угву соскочил с табуретки:

– Мэм?

– За маму не беспокойся. Доктор Патель сказал, что это инфекция и она поправится.

– Уфф! – На душе у Угву так полегчало, что он боялся шелохнуться, как бы не взлететь на воздух. – Спасибо, мэм!

– Остатки супа убери в холодильник.

– Да, мэм.

Оланна пошла в гостиную, и Угву проводил ее взглядом. На ее платье в обтяжку блестела вышивка, и на миг Оланна представилась ему прекрасным духом в образе женщины, появившейся из морской пучины.

Гости смеялись. Угву заглянул в гостиную. Многие уже не сидели прямо, а развалились в креслах, расслабленные от вина и уставшие от мыслей. Вечер позади. Серьезным разговорам конец, скоро перейдут на теннис и музыку, а потом встанут и ну хохотать над чем попало – мол, парадная дверь не открывается, а летучие мыши слишком низко летают. Дождавшись, пока Оланна уйдет в ванную, а Хозяин – в кабинет, Угву заглянул к матери. Та спала, свернувшись клубочком. Наутро мама проснулась с ясными глазами.

– Мне лучше, – сказала она. – Доктор дал мне очень сильное лекарство. Но запах меня просто убивает.

– Какой запах?

– У них изо рта. Я учуяла, когда твои хозяин с хозяйкой зашли утром меня навестить, а еще когда ходила по нужде.

– А-а, зубная паста. Мы чистим ею зубы. – Слово «мы» Угву произнес с гордостью: пусть мама знает, что и он чистит зубы пастой.

Но мать ни капельки не порадовалась за него. Щелкнув пальцами, она достала жевательную палочку.

– Чем плохо жевать ату? От этого запаха меня наизнанку выворачивает. Я здесь надолго не задержусь, а то вовсе есть не смогу.

Зато мама обрадовалась, когда узнала, что Угву будет жить во флигеле. Это же все равно что собственный дом, твой и больше ничей! Она попросила показать ей флигель, восхитилась, что он больше ее хижины, а потом заявила, что почти здорова, и вызвалась помогать на кухне. Глядя, как мама, согнувшись пополам, подметает пол, Угву вспомнил, как она шлепала Анулику, когда та не нагибалась как следует. «Ты что, грибов объелась? Подметай полюдски!» – покрикивала она, а Анулика ворчала, что нечего жалеть денег на метлу подлиннее. Эх, если бы Анулика жила здесь, подумалось вдруг Угву, и младшие дети, и кумушки-сплетницы из их рода. А заодно и весь поселок, чтобы было с кем болтать до поздней ночи и браниться, но чтобы жить при этом в доме Хозяина, с водопроводом, холодильником и плитой.

– Завтра я еду домой, – сказала мать Угву.

– Останься еще на пару дней, отдохни.

– Нет, поеду завтра. Поблагодарю твоих хозяев, когда они вернутся, и скажу, что выздоровела и могу ехать. Да воздастся им за доброту.

На другое утро Угву проводил мать до конца Одим-стрит. Давно ее походка не была такой упругой – даже когда она несла на голове тюки с поклажей, – а лицо таким молодым, почти без морщинок. «Будь здоров, сынок», – сказала мама, сунув ему в руку жевательную палочку.

К приезду матушки Хозяина Угву готовил острый рис джоллоф. Смешал белый рис с томатным соусом, попробовал, накрыл крышкой и поставил на медленный огонь, а сам вышел во двор. Приставив к стене грабли, на крыльце сидел Джомо и жевал манго.

– Вкусно пахнет твоё варево, – похвалил Джомо.

– Это для матушки Хозяина. Рис джоллоф с жареной курицей.

– Если б я знал, дал бы тебе мяса. Куда вкусней, чем курица. – Джомо кивнул на сумку, привязанную к велосипеду. Он уже раньше показывал Угву пушистого зверька, завернутого в листья.

– Не годится подавать тут деревенскую еду. Хозяева не едят крыс, – смеясь, ответил Угву по-английски.

Джомо обернулся:

– *Dianyi*⁴⁷, ты говоришь по-английски совсем как дети лекторов.

Угву кивнул, радуясь похвале, а еще больше – тому, что Джомо никогда не узнает, как в школе дети с измазанной кремом кожей и безупречным английским всякий раз хихикают над его произношением, если миссис Огуике обращается к нему с вопросом.

– Харрисона бы сюда, пусть бы послушал, как человек говорит по-английски и не кичится, – продолжал Джомо. – А он-то мнит, будто все на свете знает, и только потому, что служит у белого. *Onye nzuzu*, глупец!

– Еще какой, – поддакнул Угву. В прошлые выходные он точно так же горячо соглашался с Харрисоном, что Джомо редкий дурень.

– Вчера этот осел запер бак с водой и не давал мне ключ, – пожаловался Джомо. – Дескать, я воду не берегу. Будто вода его собственная! А если цветы погибнут, что я скажу мистеру Ричарду?

– Да, нехорошо. – Угву даже пальцами прищелкнул.

В прошлый раз повар и садовник повздорили из-за того, что Харрисон спрятал газонокосилку и не говорил Джомо, где она, пока тот не перестирал рубашку мистера Ричарда, загаженную птицами. Это все Джомо с его дурацкими цветами, на них-то птицы и слетаются! Угву поддержал обоих. Джомо он сказал, что Харрисон зря спрятал газонокосилку, а Харрисону – что Джомо не стоило сажать на том месте цветы, раз они привлекают птиц. Угву больше нравился неторопливый Джомо с его небылицами, но Харрисон, упорно говоривший на скверном английском, таил бездну знаний обо всем чужеземном и неведомом. Угву мечтал приобщиться к этому знанию и потому дорожил дружбой с обоими; он как губка впитывал и хранил их рассказы.

– Рано или поздно Харрисон от меня всерьез получит, – грозился Джомо. Он выбросил косточку от манго, обглоданную дочиста, без следа оранжевой мякоти. – Угву, кто-то в дверь стучит.

Матушка Хозяина оказалась крепко сбитой, темнокожей, неутомленной, как и сын; вряд ли ей понадобилась бы помощь, даже если б она несла котел с водой или вязанку дров. Угву удивился: рядом с ней, потупившись, стояла молодая женщина с сумками в руках.

– С приездом, Матушка, нно, – сказал Угву. Он забрал у молодой женщины сумки. – С приездом, тетя, нно.

– Так ты и есть тот самый Угву? Как поживаешь? – Мать Хозяина потрепала Угву по плечу.

– Хорошо, Матушка. Как добрались?

– Хорошо. Бог вел нас. – Она разглядывала радиолу. Покрывало из дорогой ткани, повязанное вокруг бедер, делало ее фигуру квадратной. Носила она его не так, как женщины в университетском городке, привыкшие к кораллам и золотым серьгам, а так, как носила бы дорогое покрывало его мать, – стесняясь, будто не веря своему богатству.

– Как живешь, Угву? – снова спросила она.

– Все хорошо, Матушка.

– Мой сын рассказывал мне про твои успехи. – Она поправила зеленый тюрбан, надвинутый низко, почти до бровей.

⁴⁷ Дружище (*игбо*).

– Да, Матушка. – Угву скромно опустил глаза.

– Храни тебя Бог, пусть твой чи⁴⁸ разрушит все преграды на твоём пути. Слышишь? – Говорила она, как Хозяин, зычно и властно.

– Да, Матушка.

– Когда вернется мой сын?

– Они придут вечером. Велели вам отдохнуть с дороги. Я готовлю курицу с рисом.

– Отдохнуть? – Мать Хозяина с улыбкой прошла на кухню. На глазах у Угву она достала из сумки продукты: вяленую рыбу, кокоямс, пряности, зелень. – Разве я не с фермы приехала? Вот мой отдых. Я привезла все нужное, чтобы приготовить сыну настоящий суп. Знаю, ты стараешься, но ты всего-навсего мальчишка. Что смыслит мальчишка в кулинарном искусстве? – Она с усмешкой повернулась к молодой гостье; та стояла в дверях, скрестив на груди руки и глядя в пол, будто ждала распоряжений. – Так ведь, Амала? Место ли мальчишке на кухне?

– Нет, Матушка, – отозвалась Амала писклявым голосом.

– Слышал, Угву? Мальчишке не место на кухне! – торжествующе воскликнула мать Хозяина. Она уже разделявала вяленую рыбу, вынимала тонкие, как иглы, косточки.

– Да, Матушка.

Угву удивился, что она даже стакана воды не попросила, не сходила наверх переодеться. Он сел на табурет и стал ждать ее указаний. Сразу видно, что она станет распоряжаться. Мать Хозяина окинула взглядом кухню, недоверчиво покосилась на плиту, постучала по скороварке, потрогала кастрюли.

– Мой сын тратится на дорогую утварь, – нахмурилась она. – Видишь, Амала?

– Да, Матушка, – кивнула та.

– Это все вещи моей хозяйки, Матушка. Она много чего привезла из Лагоса, – объяснил Угву. Его злила и убежденность гостьи, что все в доме принадлежит Хозяину, и то, как она раскомандовалась на кухне, а его превосходный рис с курицей даже не попробовала.

Мать Хозяина не ответила.

– Амала, иди сюда, свари кокоямс, – приказала она.

– Да, Матушка. – Амала положила кокоямс в кастрюлю и беспомощно уставилась на плиту.

– Угву, зажги ей огонь. Мы жители деревенские, привыкли к дровам! – Мать Хозяина хохотнула.

Ни Угву, ни Амала не засмеялись. Угву зажег горелку. Мать Хозяина сунула в рот ломтик вяленой рыбы.

– Вскипяти мне воды, Угву, и порежь вот эти листья угу для супа.

– Да, Матушка.

– Хоть один острый нож в этом доме найдется?

– Да, Матушка.

– Возьми его и нарежь угу как следует.

– Да, Матушка.

Угву взял нож, доску и принялся за работу. Он знал, что за ним наблюдают. Когда он стал нарезать волокнистые тыквенные листья, мать Хозяина взвизгнула:

– Ой! Разве так режут угу? *Alu melu*⁴⁹ Помельче! Слишком крупные куски! Ты бы еще целиком листья в суп кидал.

– Да, Матушка. – Угву стал резать листья тонюсенькими полосками – в супе непременно разварятся.

⁴⁸ Чи – дух-хранитель.

⁴⁹ Безобразия! (*игбо*)

– Ну вот, совсем другое дело, – важно кивнула мать Хозяина. – Теперь ты понял, почему мальчишкам нечего делать на кухне? Даже угу не можешь порезать как следует!

Угву хотел возразить: «Еще как могу. Я много чего умею на кухне, и лучше вас», но вместо этого сказал:

– Мы с хозяйкой зелень не режем, а крошим руками, так полезней.

– С хозяйкой? – Мать Хозяина умолкла, точно хотела что-то добавить, но удержалась. Пар от горячего супа наполнял кухню. – Дай Амале ступку, чтобы потолочь кокоямс, – буркнула она.

– Да, Матушка.

Угву выкатил из-под стола деревянную ступку, начал мыть, и тут вернулась Оланна, остановилась в дверях кухни. Платье было ей к лицу, она вся лучилась радостью.

– Матушка! С приездом, нно! Я Оланна. Как доехали? – Она протянула руки, обняла мать Хозяина, но та стояла как каменная.

– Доехали хорошо, – процедила она в ответ.

– Добрый день, – поздоровалась Амала.

– С приездом. – Оланна, коротко обняв Амалу, вновь обратилась к матери Хозяина: – Это родственница Оденигбо, Матушка?

– Амала помогает мне по дому. – Стоя спиной к Оланне, мать Хозяина помешивала суп.

– Да вы присядьте, *bia nodu ana*, Матушка. Ни к чему вам напрягаться на кухне. Вы бы отдохнули. Пусть Угву готовит.

– Я хочу сварить сыну настоящий суп.

Помолчав, Оланна ответила:

– Конечно, Матушка. – В ее игбо начал проскальзывать говор, который Угву слышал в речи Хозяина, когда к нему приезжала родня. Оланна обошла кухню, выискивая, чем бы угодить матери Хозяина. Заглянула в кастрюлю с рисом. – Дайте хотя бы вам помочь, Матушка. Сейчас переоденусь и приду.

– Говорят, мать не кормила тебя грудью, – сказала Матушка и повернулась лицом к Оланне. – Давай возвращайся, откуда пришла, и скажи тем, кто тебя подослал, что не нашла моего сына. Скажи подружкам-ведьмам, что не видела его.

Оланна молча уставилась на нее, будто онемела.

– Слышала? Передай им, что моего сына ничье зелье не одурманит! Он не возьмет в жены выроodka – сперва надо будет убить меня. – Мать Хозяина хлопнула в ладоши, а потом заулюлюкала, приставив ладони ко рту, чтобы звук разнесся по всему дому.

– Матушка... – выдохнула Оланна.

– Не смей называть меня матушкой, – огрызнулась мать Хозяина. – Не смей, я сказала! Прочь от моего сына! Передай товаркам-ведьмам, что не нашла его! —

Она распахнула заднюю дверь, вышла на порог и завопила: – Соседи! У моего сына в доме ведьма! Соседи!

Крик ее резал уши. Хотелось заткнуть ей рот, набить разваренными овощами. Суп пригорел.

– Мэм? Вы будете у себя в комнате? – Угву придвинулся поближе к Оланне.

Оланна овладела собой. Заправив за ухо непослушную косичку, она схватила со стола сумочку и зашагала к выходу.

– Передай Хозяину, что я уехала к себе на квартиру.

Угву пошел за ней следом, увидел, как она села в машину и умчалась. Даже не помахала на прощанье. Во дворе было тихо, ни ветерка; бабочки не порхали среди белых цветов. Угву вернулся на кухню и с удивлением услышал, что мать Хозяина тихонько напевает церковный гимн об исцеляющей силе Христа: «*Nya nya oya ti ga-ana. Na m metu oni uwe ya aka...*»

Она умолкла, откашлялась.

– Где эта женщина?

– Не знаю, Матушка, – пожал плечами Угву. Он подошел к раковине и стал убирать чистые тарелки в буфет. Противная вонь от супа наполняла кухню; как только Матушка уедет, первым делом надо будет выстирать занавески, чтоб не пахли.

– Вот за этим я и приехала. Говорят, она вертит моим сыном как хочет. Немудрено, что мой сын ходит холостым, когда у его сверстников уже не по одному ребенку. Эта ведьма его приворожила. Слыхала я, что отец ее был лодырем-попрошайкой, как и вся его семейка из Умунначи, а потом стал сборщиком налогов и обирал честной люд. А сейчас понаоткрывал фирм, разгуливает по Лагосу и держит себя Большим Человеком. Да и мать ее ничем не лучше. Какая мать сдаст родных детей кормилице, если сама жива-здоровая? Разве это по-людски, *gbo*⁵⁰, Амала?

– Нет, Матушка. – Амала не отрывала глаз от пола, разглядывая на нем узоры.

– Говорят, все детство ей слуги даже ике подтирали. И хуже того, родители послали ее в университет. Зачем? Ученость портит женщину, это всякий знает. Ученая женщина возомнит о себе невесть что и станет принижать мужа. Какая из нее жена? – Мать Хозяина вытерла лоб подолом. – Девицы в университете путаются с кем попало, пока не истаскаются вконец. Неизвестно, может ли она иметь детей. Ты знаешь? Знает хоть кто-нибудь?

– Нет, Матушка, – отозвалась Амала.

– Знает хоть кто-нибудь, Угву?

Угву со звоном поставил на стол тарелку, сделав вид, что не слышал. Мать Хозяина подошла и похлопала его по плечу:

⁵⁰ Как по-твоему? (*игбо*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.